

18+

Рина Лесникова
Небо в подарок

Рина Лесникова
Небо в подарок

«Автор»

2018

Лесникова Р.

Небо в подарок / Р. Лесникова — «Автор», 2018

Сатура Приатт боится и ненавидит драконов. История Сатуры – история девушки, семью которой убил дикий дракон. Каждый молодой дракон на учёте, его развитие и взросление происходит под неусыпным контролем родственников, а первый оборот происходит под контролем самых старших и опытных членов семьи. Зачастую на обороте присутствует сам император Бренсторгхад. Первый оборот – это всегда праздник, но, вместе с тем и тяжёлое испытание. Перед тем, как это должно случиться, молодые драконы удаляются далеко в горы, где совсем нет людских поселений. Там их всегда сопровождают те, кто может проконтролировать оборот и удержать от безумств, которые в пылу эйфории первого полёта может натворить такая громадина.

© Лесникова Р., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

– Сатура, тебя срочно вызывает директриса леди Роэна, – раздался от двери голос госпожи Крайт.

Девчонки, старательно выводящие в тетрадах сложные слова драконьей письменности, проводили подругу завистливыми взглядами. Ещё бы! Шли последние дни занятий в этом году. До окончания учёбы осталась всего неделя, и через неделю за ними тоже приедут родственники и заберут на каникулы – последние каникулы перед выпуском из пансиона. Если за Сатурой приехали раньше срока, значит, случилось что-то особенное. Может, родители подыскали ей жениха, как Розы Стелни полгода назад, и прямо сейчас их будут знакомить? Вот бы хоть краем глаза глянуть на него! Глянуть и успокоиться, выяснив, что жених Сатуры не первой молодости и с заметным брюшком, которое так и норовит вывалиться из-под шёлкового кушака, как это было в случае с женихом Розы. Не то, чтобы они желали сокурсницам обязательного плохого мужа, нет. Просто каждая свято верила, что её муж будет самым красивым и родовитым. По аудитории побежал шепоток предположений, для чего же вызвали одну из них.

– Пишем, пишем, девочки! – мисс Тюиль, преподающая в пансионе основы драконьей культуры и письменности, постучала указкой по столу.

Ученицы дружно уткнулись в свои тетради – уютный пухленький вид и румяные щёчки преподавательницы были обманчивы – мисс Тюиль была очень строга со своими подопечными.

Сатура, пожалуй, даже больше подруг недоумевала, зачем же её вызвала директриса. Даже если стало известно про лаз, что они отыскиали с Мирой и Лайсой в самом дальнем углу пансионского сада, и сбегали через него в лес, то вызвали бы всех троих. И потом, леди Роэна никогда не вызывала с занятий для того, чтобы отругать и наказать нерадивых воспитанниц. Для этого у неё был выделен специальный час – строгий час, как называли его ученицы. Родители не могли за ней приехать – в своём последнем письме мама сообщила, что они с папой и младшим братом Далем заедут за ней через неделю, ровно к моменту окончания занятий и началу каникул, а потом все вместе поедут в Нерайду – столицу империи. В Нерайде жила папина вдовья младшая сестра, с которой они не виделись много лет. Тётушка Раина давно звала племянницу к себе погостить, убеждала, что только в столице можно найти самую лучшую партию, и что нечего такой прекрасной девушке прозябать на задворках империи. Но мама и, особенно, отец, скептически относились к таким предложениям, и отпускать Сатуру в город соблазнов, как многие называли столицу, не спешили. Но настало время, и Далю нужно было определяться, где же он продолжит учебу. Младший брат бредил карьерой армейского генерала, и не хотел слышать ни о чём другом, кроме как о военном училище самого императора Бренсторгхада. Так что мальчику предстояла тяжёлая работа – поступить в училище, патронируемое самим императором, было не так-то просто. А родители и, особенно, Сатура, будут развлекаться и, об этом не упоминалось напрямую, но подразумевалось – искать ей жениха, чтобы через год, когда дочери исполнится восемнадцать, и она окончит курс обучения в пансионе леди Роэны, благополучно выдать её замуж за достойного человека.

Про обещания тётушки познакомить её с самыми достойными молодыми людьми Сатура не успела додумать, так как путь до кабинета директрисы был пройден. Госпожа Крайт как-то особо сочувствующе, что ей было совсем не свойственно, глянула на девушку и открыла перед нею двери, приглашая войти.

В кабинете, кроме самой леди Роэны, сидел незнакомый мужчина в тёмно-сером камзоле, тёмных, почти чёрных брюках и с внушительным портфелем на коленях. Даже без этого портфеля в нём безошибочно можно было узнать стряпчего – чернильные пятна на пальцах и запах бумажной пыли, казалось, навсегда въелись в его кожу.

– Здравствуйте, – сделав положенный случаю книксен, поприветствовала Сатура леди Роэну и её гостя.

При виде этого человека недоумение Сатуры только возросло. Для чего он приехал? Пока девушке не исполнилось восемнадцать, и она не стала совершеннолетней, все дела вёл папа, да и какие у неё могут быть дела?

– Добрый день, Сатура, – к удивлению ученицы, леди Роэна даже вышла из-за своего монументального стола, женщина зачем-то передвинула с места на место идеально лежащие папки, поправила подаренный кем-то из благодарных родителей учениц громоздкий письменный прибор, Сатура подумала, что сейчас она примется стирать рукавом несуществующую пыль, но директриса, тяжело вздохнув, продолжила: – Вот, Сатура, познакомься, это господин Рюи – стряпчий, – мужчина сделал вид, что привстаёт со своего стула и слегка наклонил голову, подтверждая, что стряпчий Рюи – это именно он, – господин Рюи имеет, что тебе сообщить, – неуклюже закончила она свою речь, после чего подошла к девушке, дотронулась, до её руки и сдавленно произнесла, – крепись.

Неприятный холодок, что зародился где-то в районе груди при виде незнакомого мужчины, после последних услышанных слов стремительно разросся. Онемели губы, кончики рук, а на месте позвоночника образовалась огромная ветвистая сосулька, что быстро раскидывала свои морозные щупальца по всему телу.

– Видите ли, мисс Приатт, – ожидаемо скрипучим голосом начал господин Рюи, – на имение, в котором проживали ваши родные, а именно Ригор и Леона Приатт, а так же их сын, а ваш брат – малолетний Даллен Приатт – так вот, на имение было совершено нападение дикого дракона.

– Что? – воздуха в лёгких хватило только на это короткое слово.

– На имение напал дикий дракон, – повторил стряпчий.

– И что? – незаметно для себя Сатура схватила за руку стоящую рядом леди Роэну.

– Именья, как такового, больше нет, – сообщил господин Рюи, – и всех, кто в нём находился, тоже нет, – стараясь добавить печали в сухой, как ветер пустыни голос, закончил он.

– Совсем? – разум отказывался верить в услышанные слова.

– Ваши родители и брат погибли, – стряпчий склонил голову в знак печали.

– Этого не может быть, они обещали приехать за мной через неделю, – Сатура пыталась зацепиться за прошлое.

– Они не смогут сдержать своё обещание, мисс Приатт, – каждое слово мужчины было словно удар по крышке гроба, в котором были похоронены родные Сатуры и её надежды на будущее.

– Мама, папа, – нестерпимо яркий свет, льющийся из окна, постепенно мерк, пока совсем не погас.

Очнулась Сатура от гадкого запаха, что нещадно пробивался в нос, заставляя морщиться. Отчего же так не хочется приходить в себя? Что же такое случилось, что разум отказывается воспринимать произошедшее? И неужели ужасные слова того бумажного человека, что ждал её в кабинете, правда? Как могло такое случиться, что её любимые мама и папа, её маленький братишка – озорник и проказник Даль – погибли?

– Откуда мог взяться дикий дракон? – спросила Сатура, как будто это было самое главное, что она хотела узнать.

– Его уже уничтожили, – сообщила директриса, как будто это могло как-то уменьшить горе девушки.

– Откуда он взялся? – Сатура обхватила себя руками и стала медленно раскачиваться вперёд и назад, находя успокоение в противном скрипе кресла, в которое её поместили.

– По этому поводу начато расследование. Дело взял на контроль сам император, – оказывается, господин Рюи по-прежнему находился здесь же, – появление дикого дракона – это вопиющий факт, прежде всего, пятнающий честь императорской семьи.

Не так уж много было в империи Саадах драконьих семейств. Каждый молодой дракон на учёте, его развитие и взросление происходит под неусыпным контролем родственников, а первый оборот происходит под контролем самых старших и опытных членов семьи. Зачастую на обороте присутствует сам император Бренсторгхад. Первый оборот – это всегда праздник, но, вместе с тем, и тяжёлое испытание. Перед тем, как это должно случиться, молодые драконы удаляются далеко в горы, где совсем нет людских поселений. Там их всегда сопровождают те, кто может проконтролировать оборот и удержать от безумств, которые в пылу эйфории первого полёта может натворить такая громадина. Старшие драконы поднимаются в небо вместе с новым собратом и контролируют его полёт. Впервые обернувшийся дракон, вполне резонно почувствовав свою силу, старается подавить слабого разумного, что пытается взять верх над их общим телом. Новообращённым правит одно желание – покорить или уничтожить всё, что он видит. Даже несколькими взрослым драконам приходится несладко, пока они приводят в чувство нового члена своего небесного братства. Старшие драконы порой по несколько суток, поочередно сменяя друг друга, летают рядом с воинственно настроенным подопечным, вступают с ним в схватки, порой наносят серьёзные раны и получают раны сами. Их цель – не пустить молодого к землям, где живут люди, иначе... люди дракону не соперники. И только окончательно обессилев или же поняв, что есть рядом другая сила, могущая превзойти его, молодой дракон опускается на землю. Так продолжается до тех пор, пока новообращённая рептилия не поймёт, что и он не всемогущ, что и над ним есть высшая сила, и сила эта – его разум. Только тогда, когда разум человеческой и драконьей ипостаси приходит в полное взаимодействие, новый член драконьего сообщества покидает дикие горы.

Появление дикого дракона может означать только одно – первый оборот кого-то из молодых произошёл вне внимания драконьего сообщества. Скорее всего, дело не ограничилось гибелью семьи Сатуры и слуг, что проживали в имении. До того, как его уничтожили, ошалевшая от нахлынувшего чувства свободы рептилия вполне могла сровнять с землёй несколько поселений.

– Дикий дракон убил моих маму и папу. И Даля, – жуткие факты, даже озвученные, никак не желали укладываться в голове. – Всё закончилось. И для них и для меня всё закончилось, – Сатура говорила будто сама с собой, совсем не обращая внимания на присутствующих хозяйку кабинета и гостя, принесшего ужасную весть. – Как же теперь жить? И зачем? В чём они провинились? Даль так хотел поехать в столицу. Вы знаете, – девушка полубезумными глазами глянула на собеседников, – мы все должны были поехать в столицу! А сейчас... что мне делать сейчас?

– Именно за этим я и прибыл сюда, мисс Приатт, – господин Рюи обрадовался, что женская истерика закончилась, так толком и не начавшись, и наконец-то можно приступить к делу. – Я прибыл по поручению вашей тётушки баронессы Санай. Она просила передать, что будет рада принять вас в своём загородном доме, что находится совсем недалеко от столицы, и оказать вам покровительство.

– Я не хочу в столицу без мамы и папы, я лучше вернусь домой, в наше имение, – упрямо проговорила Сатура.

– Мисс Приатт, поймите, на имение напал дикий дракон, его нет.

– Я поняла, что дракона уничтожили, – еле слышно прошептала девушка.

– Мисс Приатт, дракона уничтожили, это верно, но прежде он уничтожил имение. Полностью, – даже в словах такого сухаря, как господин Рюи, прозвучало сочувствие.

– Мамы нет, папы нет, Даля нет и нашего имения, где мы были так счастливы, тоже нет. Осталась только я.

– Ну почему же, мисс Приатт, я же говорю, ваша тётушка будет рада принять участие в вашей судьбе. Если вы не будете против, я хотел бы отправиться в столицу уже сегодня.

– Отправляйтесь, я не против, – отстранённо кивнула Сатура.

– Э-э, видите ли, – возразил стряпчий, – по поручению баронессы, назначенной вашей опекуницей, я приехал, чтобы забрать вас из пансиона и доставить в её имение, где вам и предстоит жить до замужества.

– Я должна попасть на похороны! – девушка с отчаянием глянула на директрису, но поймав её сочувствующий взгляд, умоляюще добавила: – Или хотя бы глянуть на могилы.

– Мисс Приатт, там не осталось ничего и никого. Некого хоронить после нападения дикого.

– Драконы, как же я, оказывается, ненавижу драконов, – изо всех сил сдерживая подступающие слёзы, пожаловалась Сатура неизвестно кому.

В столицу господин Рюи и Сатура смогли отправиться только следующим утром – девушка твердила, что непременно должна надеть чёрные траурные одежды. Выяснилось, что во всём пансионе чёрное платье было только у сторожихи госпожи Риды, что много лет жила в привратницкой заведения. Но, в отличие от высокой и тоненькой Сатуры, сторожиха была женщиной очень плотной и низенькой, чем весьма напоминала пыхтящий шарик. Леди Роэна глянула на воспитанницу, безучастно стоящую в чёрном балахоне с плеч госпожи Риды, покачала головой, и сообщила, что она не может отпустить одну из лучших своих воспитанниц в таком виде. Что бы ни случилось, но выпускницы её пансиона должны выглядеть безупречно. К большому неудовольствию господина Рюи, пришлось спешно перекрашивать одно из дорожных платьев самой Сатуры, что и задержало их отъезд.

Саму поездку девушка почти не запомнила. Она садилась в экипаж, выходила из него, когда господин Рюи звал пообедать, или же они останавливались на ночлег в придорожных гостиницах. Не осталась в памяти ни сама дорога, ни комнаты, в которых она ночевала. Порой сложно было вспомнить, ела ли она что-нибудь. Даже великолепные цветущие сады, что пышным облаком раскинулись вокруг столицы, про которые так много рассказывала мама, и которые Сатура так мечтала увидеть, остались незамеченными. Господин Рюи не пытался скрыть облегчённого вздоха, когда к концу третьего дня поездки путешественники достигли загородного поместья баронессы Санай, и он смог передать подопечную в руки заботливой родственницы.

– Моя девочка, – баронесса Санай – красивая молодая женщина лет тридцати пяти – промокнула жёстким кружевным платочком сухие глаза, приложила аристократически бледной щекой к щеке Сатуры, изображая родственный поцелуй и повела её в дом, – какое же это горе для нас, – голос тётушки дышал трагизмом. – Бедный Ригор, бедная Леона! А малыш Даллен? В чём они провинились перед богами? Как же мы теперь будем без них? Такое горе, такое горе!

Сатура могла бы возразить, что тётушка долгое время обходилась без присутствия брата и его семьи, но зачем? Ни родителей, ни Даля уже никогда не вернуть, всё остальное не важно. Она покорно шла за не умолкающей ни на секунду баронессой и мечтала только об одном – лечь где-нибудь в тёмном уголке, свернуться клубочком и никого не видеть. Совсем никого.

– ...сезон только начинается, – словно сквозь вату, прорывался голос тётушки. – Ты как раз вовремя. Какое счастье, что портниха мадам Жози – моя хорошая подруга! Да, дорогая, не удивляйся, мы не снобы, и позволяем себе дружить с простыми людьми! Так вот, о чём это я? Ах, да, платья. Мы завтра же пригласим мадам Жози, и она пошлёт тебе что-нибудь на первое время. Когда, говоришь, прибудет твой гардероб? Впрочем, не важно, столичная мода так быстро меняется, вряд ли твои платья подойдут для тех приёмов, что мы с тобой будем посещать. КарИ будет твоей горничной, – баронесса обратилась к служанке, терпеливо поджи-

дающей их в гостиной, куда они вошли. – Кари, проводи мою дорогую племянницу в комнаты, что для неё подготовили. Иди, дорогая, отдохни с дороги, завтра у нас будет насыщенный день, – покровительственным взмахом руки девушки были отпущены.

Подъезжая к дому, Сатура не обратила внимания, какой же он большой. Это она поняла только после того, как опять пришлось долго идти за изнывающей от любопытства горничной в противоположное крыло. Наконец, Кари остановилась перед одной из дверей и, приоткрыв её, пропустила молодую хозяйку вперёд.

– Ванна уже готова, мисс Приатт, – почтительно произнесла она. – Давайте, я помогу вам снять платье и помыться, а потом принесу ужин.

– Да, хорошо, Кари, – только сейчас Сатура поняла, как же хочется очутиться в горячей ванной, ведь ей не удавалось помыться все три дня, что они провели в дороге.

Горничная ожидаемо охнула, когда освобождённые из тугого пучка золотистые волосы с лёгким шорохом рассыпались по плечам госпожи.

– Мисс Приатт, – выдохнула она, – с восхищением оглядывая стройную фигурку, шагнущую к ванной, – да вы красавица! Вы же затмите всех-всех столичных дам! И все-все кавалеры будут у ваших ног!

– Ну что ты такое говоришь, Кари, – отмахнулась Сатура, с блаженством опускаясь в воду, пахнущую розовыми лепестками. – Зачем мне затмевать ваших дам? И уж, тем более, мне сейчас не до кавалеров. Думаю, тебе известно, какая трагедия произошла с моими родными.

– Да, простите, мисс Приатт, – горничная сконфуженно смолкла.

– И, пожалуйста, не зови меня мисс Приатт, моё имя – Сатура.

– Хорошо, мисс Сатура, – Кари присела в полагающемся книксене и, сказав, что пошла за ужином, вышла из комнаты, тихо притворив за собой дверь.

Выйдя из ванны, Сатура как будто не заметила воздушное подобие сорочки и халата, что предложила ей услужливая Кари, и горничной пришлось спешно распаковывать небольшой саквояж, привезённый гостьей с собой и доставать из него привычную для неё одежду – хлопковую сорочку длиной до пят и такой же халат.

– Баронесса будет недовольна, – вздохнула Кари, убирая кружевные вещицы, которые хозяйка щедро пожертвовала своей провинциальной родственнице.

– Да, конечно, благодарю, – невпопад ответила Сатура и невидящими глазами воззрилась на поднос, что принесла служанка.

– Я... пойду? – горничная испугалась, а вдруг племянница хозяйки не в себе? Отказалась от таких замечательных вещей, благодарит её вместо того, чтобы испугаться гнева госпожи и одеться, как подобает родственнице аристократки. Точно! Горе лишило её разума.

Уже поздно вечером баронесса вызвала к себе Кари и поинтересовалась, как устроилась племянница, всё ли ей понравилось.

– Да, леди Санай, мисс Приатт устроилась в комнатах, – служанка потупилась.

– Ну, что ещё? Договаривай! – хозяйка нетерпеливо топнула ногой в изящной атласной туфельке.

– Она... она отказалась надеть ту сорочку и пеньюар, что вы передали для неё, – как бы извиняясь, но ни в коем случае не жалуясь, сообщила горничная.

– Отказалась? Гордая. Это хорошо, наша порода! Я тоже никогда не любила вещи с чужого плеча. Ничего, завтра придёт эта болтушка Жози с кучей помощниц и ворохом тканей, и мы приведём дорогую племянницу к соответствующему нашему положению виду. Думаю, из неё может выйти что-то приличное. Такое, что будет не стыдно показать и самому императору. Эх, где мои молодые годы, – баронесса мечтательно закатила глаза, уходя в воспоминания.

– Миледи, – горничная неуверенно мялась, не зная, как озвучить свои предположения, но и оказаться в эпицентре споров хозяйки и её странной племянницы не хотелось.

– Ну что тебе? – баронесса уже забыла о том, что служанка всё ещё находится в комнате.

– Миледи, это, конечно, совсем не моё дело, но мне показалось...

– Что ещё тебе показалось, глупая девчонка, говори быстрее или уходи! Что? По дому опять бродят привидения?

– Нет-нет, миледи, что вы! Не видела я никаких привидений! Только вот мисс Приатт...

– Ну что с ней?! Скажешь ты, наконец, или нет! – изменчивое настроение хозяйки начало стремительно портиться.

– Мне показалось, что мисс Приатт совсем немного не в своём уме! – выпалила Кари и замерла, ожидая реакции хозяйки.

– Конечно, девочка не в себе, всего три дня назад ей сообщили, что она лишилась родных и имения, в котором проживала, – баронесса вспомнила, что погибшие и её родственники и промокнула платочком краешек глаза, – завтра начнём приводить её в себя. Поверь, несколько платьев, пара-тройка подаренных безделушек, и любое горе покажется преодолимым, – женщина нежно погладила рубин, игриво прячущийся между пышных грудей. – Можешь идти, – она небрежно махнула рукой.

– Не в своём уме она. Да многое ли мужчинам надо от нас, женщин? – хмыкнула баронесса после того, как осталась одна. – Одно и то же, всем одно и то же. И совершенно никого не интересует, есть у нас голова на плечах, вернее, есть ли в ней хоть капелька мозгов, лишь бы та самая голова была симпатичная, а присутствие мозгов мы, умные женщины, вынуждены скрывать. Так что всё даже лучше, чем я надеялась.

Глава 2

Первый раз за всё время, прошедшее после того, как ей сообщили о трагедии, Сатура заснула спокойно. И дракон, который ей снился с тех пор каждую ночь, не носился чёрной тучей над землёй, сметая всё на своём пути, а золотыми тёплыми прикосновениями невесомо дотрагивался до её зардевшихся щёк. От этого девушка и проснулась. Оказывается, ласковое солнышко неистово прорывалось в комнату сквозь распахнутое горничной окно, осторожно пробираясь по постели и играя своими лучами в рассыпанных по подушке волосах. К тому же щебет пичуг, обитающих в парке при загородном поместье тётушки, добавлял свою долю радости тёплому весеннему деньку. Жизнь продолжается, как будто и не было никогда того дикого дракона, что поделил жизнь Сатуры на «до» и «после». Для кого светит солнце? Для кого поют птицы? Ей всё это совсем не нужно.

– Сатура, дорогая, ты уже проснулась? – в комнату ураганом ворвалась благоухающая терпкими духами и хорошим настроением тётушка. – Как спалось? Как тебе твоя комната?

– Благодарю, тётушка.

Только сейчас Сатура обратила внимание на обстановку в комнате, в которой провела ночь. Стены были обиты шёлком преимущественно красных и золотистых оттенков, на полу лежал огромный ковёр, в расцветке которого присутствовали всё тот же красный и золотой, щедро разбавленные антрацитово-чёрным. Бюро чёрного дерева, золотая парчовая обивка дивана, двух кресел и пуфика, что стоял около трюмо ожидаемо красного дерева. За ширмой, расшитой золотыми драконами и диковинными красными птицами, пряталась дверь в ванную комнату. Всё очень дорогое. Видно, что тётушка старалась угодить племяннице, и не её вина, что девушку пугает такое обилие красного и золотого. Со своими порядками в чужие дворцы не лезут.

– Ах, ну что ты, дорогая, – баронесса порхала по комнате, переставляя изящные безделушки, – не стоит благодарности, я так хочу, чтобы у дочери моего любимого брата было всё самое лучшее! И потом, да, я твоя тётушка, но посмотри на нас! Мы же с тобой, как две сестрички! Пусть ты и совершенно не похожа на бедного Риго, вся в мать пошла, с этим уж ничего не поделаешь. Но по возрасту мы могли бы быть сёстрами, разве не так? Мне всего двадцать семь! Зови меня Раиной, это будет правильно!

– Хорошо, тёт... Раина, – Сатура не стала признаваться, что ей известен точный возраст папиной сестры. В конце концов, человеку столько лет, на сколько он себя ощущает. И если тётушка чувствует себя почти на десяток лет моложе, почему бы и не поддержать это невинное заблуждение.

– Прекрасно, моя дорогая! Но нам нужно спешить! Мадам Жози очень занятая портниха, и кое-как смогла выкроить время, чтобы прийти и снять с тебя мерки. Да-да, Жози сама прибудет к нам в дом! Поверь, это многого стоит, и в прямом, и в переносном смысле. Всего несколько дам, в том числе и из императорской семьи могут похвастать, что мадам Жози сама приезжает к ним. Но что значат деньги в этом случае! Мы должны получать самое лучшее, и мы получим это, – тётушка игриво подмигнула. – А сейчас надевай этот пеньюар, – она протянула вчерашнюю кружевную тряпицу, – и будем завтракать!

– Раина, – Сатура отодвинула протянутую руку, – я не надену это.

– Почему? – бровки у баронессы поднялись беззащитным домиком, и вообще, всем своим видом тётушка показывала поистине детское недоумение.

– Раина, у меня траур. Траур в душе! А это, – Сатура отодвинула от себя ни в чём не повинную вещицу, – я не носила такие вещи даже в лучшие времена.

– Ну, конечно, не носила! Где бы ты в своей провинции достала такое! Уж мне ли не помнить, как мы сами себе шили платья, сидя у окна в комнате рукоделия! Бр-р, как же хорошо, что всё это позади!

– А я бы с радостью вернула те времена, – печально проговорила Сатура, разглядывая двор за окном.

– Ох, дорогая, послушав тебя, я начинаю ощущать себя жестокой, – тётушке удалось выдавить слезинку – Да, я тоже глубоко скорблю по безвременно погибшему брату и его семье. Но их уже не вернуть, и им, умершим, уже всё равно, что мы на себя надели. А наша жизнь продолжается! Пойми, время летит быстро. К сожалению, мы с тобой не родственницы императора или кого другого из драконов. Наша жизнь коротка! И жить её нужно сейчас! У нас нет веков времени, чтобы предаваться трауру и унынию! Сколько её осталось, твоей молодости? Десять лет? Больше? Если и больше, то ненамного, – горько сообщила она. – А потом, потом ты превратишься в старую брюзгливую матрону, которой только и остаётся, что стоять в углу возле чаши с пуншем, нюхать табак и осуждать с такими же старухами современную молодёжь, – баронесса зябко передёрнула плечиками.

– Раина, у меня такое чувство, как будто моя душа ушла вслед за ними, – попыталась убедить тётушку Сатура. – Я не могу наряжать тело в яркие обновки, в то время как в нём нет души, что радовалась бы им. И, прости, но я счастлива, что не принадлежу к племени драконов.

– Родная, – тётушка приобняла племянницу и осторожно, чтобы не повредить нанесённую на губы краску, прикоснулась щекой к её щеке, – как я тебя понимаю! Может, моя душа уже давно кровоточит. Ведь я потеряла гораздо больше близких, нежели ты. Меня навсегда оставили родители, любимый муж, Риго с семьёй – но я держусь, нахожу в себе силы жить! Для чего-то же боги оставили мне мою жизнь. Как ты думаешь, для чего-то и я нужна на этом свете? Вряд ли для того, чтобы тосковать и предаваться унынию, – словно в подтверждение этих слов она улыбнулась и сменила тему: – Хорошо, я не тиранка, надевай свой халат и давай завтракать, до прихода мадам Жози осталось не так уж и много времени, – баронесса сделала вид, что уступила.

После завтрака Сатуру атаковала чернявая говорливая мадам Жози, заявившаяся с целой кучей помощниц. Она обнялась с баронессой, произнесла несколько слов утешения самой миледи и отдельно пожалела «бедную сиротку», восхитилась добротой «милрой Раины», что не позволила пропасть на улице прелестному цветку, и всё это мадам совершала, одновременно развивая кипучую деятельность. Пришедшие с ней работницы почти насильно раздели опешившую девушку до нижней рубахи и принялись обмерять её, громко выкрикивая какие-то числа и, не стесняясь, обсуждая фигуру, подвергшуюся столь жестокой экзекуции.

– Грудь маловата, придётся добавлять вставочки...

– Зато линия талия-бёдра почти совершенна, девочке должно быть удобно в нынешнем корсете...

– Рукав – пятнадцать на три семьдесят...

– Нога – восемьдесят пять...

– Спинка чистая, можно открывать...

– Нет, не будем добавлять вкладыши, сейчас всё больше появляется ценителей худосочных...

– Можно сделать и так, и так...

Уже через полчаса этого шума у Сатуры разболелась голова. Она терпела из последних сил, бросая отчаянные взгляды на тётушку, с упоением перебирающую куски материи вместе с главной портнихой.

– А я говорю, что красный великолепно подойдёт к её золотистым волосам, – уверяла баронесса, прикладывая к себе отрез винно-красного шёлка.

– Дорогая Раина, это ты в нём смотришься великолепно, – мадам не скупилась на комплименты, – у меня в набросках есть отличный фасон, который подойдёт именно тебе и этой ткани, а невинной девушке требуется что-то лёгкое, воздушное. Розовое! Да, непременно розовое! И вот этот лавандовый батист для утренних выходов, и эта голубая органза. А вот это подойдёт для вечернего халатика, – портниха вытащила из коробки что-то воздушно-невесомое.

– О, я тоже хочу!

– Сошьём для вас обеих, – благодушно махнула рукой мастерица. – Не думаю, что вы будете появляться в этих вещах перед одним и тем же... – здесь она, уловив предостерегающий взгляд хозяйки всего этого организованного сумасшествия, оборвала фразу. – Хотя, о чём это я? Сошью, и всё, а дальше уж как знаете!

Постепенно звуки, наполняющие комнату, стали меркнуть, и Сатура поняла, что опять может потерять сознание.

– Раина! Раина! Пожалуйста, услышь меня, – почти простонала она.

– Деточка моя, что случилось? – тётушка отложила в сторону ярко-зелёную атласную ленту.

– Раина, пожалуйста, не нужно!

– Что не нужно, дорогая? Ты не думай, мне совершенно не жаль тех денег, что придётся заплатить за эту красоту, – и она нежно провела рукой по отрезу бархата, который лежал на одном из кресел.

– Я это всё не надену! – Сатура повысила голос и упрямо задрала подбородок.

В комнате мгновенно воцарилась тишина, лишь жалобно звякнули ножницы, выпавшие у одной из помощниц мадам Жози.

– А для кого же мы все так стараемся? – жалобно поинтересовалась тётушка у портнихи, на что та лишь пожала плечами.

– Пожалуйста, не нужно для меня так стараться, – сквозь слёзы прошептала Сатура и выбежала из комнаты.

Только оказавшись в коридоре огромного тётушкиного дома, она сообразила, что выскочила из своей комнаты, и выскочила в одной сорочке. Пришлось спешно возвращаться.

– Прошу меня простить, – глухо произнесла она, – но не могли бы вы все покинуть мою комнату? Я устала. И я, правда, не нуждаюсь в таких красивых и дорогих вещах. Тётушка, я была бы вам безмерно благодарна, если бы вы выкроили время и помогли мне выбрать несколько готовых тёмных платьев.

Все присутствующие женщины, не проронившие ни единого слова с того момента, как Сатура покинула свою комнату, переглянулись между собой. В их глазах отчётливо читалось недоумение и понимание того, что с разумом племянницы баронессы Санаи творится что-то странное.

– Ах, милая, нам понятно твое горе, но я не могу позволить, чтобы моя родная кровиночка одевалась в лавках готового платья, – тётушка была само сочувствие, – я думаю, мадам Жози не откажется сшить тебе несколько тёмных платьев.

– Благодарю, Раина. Леди, – Сатура обратилась к мадам Жози и её помощницам, – благодарю вас! Извините за доставленное беспокойство!

Сказав так, она взяла платье, в котором приехала сюда и скрылась в комнате за ширмой, надеясь, что всё шумное сборище догадается покинуть комнату. К большому облегчению девушки, к тому моменту, как она появилась из своего убежища, комната оказалась пуста. Исчезли не только посетительницы, но и вороха тканей, что они привезли с собой.

До самого обеда Сатура была предоставлена сама себе. По заведённой в пансионе привычке она сама прибрала в комнате, так как после прихода портнихи с помощницами остался беспорядок – на ковре валялись клочки тканей и ниток, под столом оказались несколько фантиков от конфет, на самом столе сгрудились недопитые чашки. И когда только всё успели?

Ведь казалось, что они напали на бедную девушку все разом. Вскоре всё, что можно было сделать, было сделано, и всё явственней давал о себе знать голод – прошедшее светопреставление вымотало не меньше, чем прогулка по дремучему лесу. Но никто не спешил пригласить её на обед или же принести обед в комнату. Девушка огляделась в поисках колокольчика или шнурка, которым можно было бы вызвать горничную, но ничего похожего не нашла, пришлось выходить из комнаты. Коридор, украшенный обильной лепниной и позолотой, был пуст. Могло так получиться, что про неё забыли? Или баронесса намеренно решила оставить непокорную племянницу без обеда?

Пройдя немного дальше, в одном из залов Сатура услышала разговор нескольких девушек, они очень живо обсуждали какого-то Гвидо. Вернее, спорили две из них, одна говорила, что третьей их подруге стоит сначала убедиться, а так ли уж он хорош в постели, и только потом намекать, что необходимо жениться, а вторая не менее ревностно доказывала, что он, получив желаемое, ни за что не сделает предложение. Подслушивать столь приватный разговор было неловко, и Сатура, отойдя немного назад, нарочито громко кашлянула, отчего болтушки разом смолкли, и только потом зашла в гостиную, где застала трёх горничных, активно наводящих порядок.

– Добрый день, – поздоровалась она, – я – Сатура Приатт, племянница баронессы Санаи, я приехала только вчера, и не знаю распорядка в этом доме. Не подскажете, когда будет обед, и как пройти в столовую?

Всё время, пока она говорила, служанки взирали с молчаливым любопытством. Первая откликнулась та из них, чей голос советовал подруге «убедиться, так ли уж хорош Гвидо».

– Д-да, леди, мы знаем, что к госпоже приехала родственница из провинции. Но... видите ли, леди баронесса редко обедает дома, и мы не знаем, давала ли она распоряжения насчёт обеда.

– Но отвести меня к тому, кто знает, вы можете?

– Да, конечно, – все трое согласно закивали головами, и одна из них, голоса которой Сатура ещё не слышала, выбежала из гостиной.

Вскоре служанка вернулась с важным мужчиной, который встречал вчера гостью вместе с хозяйкой. Судя по количеству позумента на бархатном камзоле и замшевых бриджах, это был дворецкий.

– Я провожу вас в столовую, – зычным басом промолвил он. – Нижайше просим нас извинить за такой неприятный инцидент, впредь я буду лично следить за тем, чтобы вам, мисс Приатт, завтрак обед и ужин предоставлялись вовремя.

– Благодарю, – Сатура замолчала, ожидая, когда дворецкий назовёт себя.

– Гапполонор, моё имя Гапполонор, мисс, – дворецкий поклонился с достоинством, соответствующим такому высокопарному имени.

– Благодарю вас, Гапполонор, – девушка кивнула, – а теперь я хотела бы пообедать.

Кивком головы дворецкий отправил одну из горничных на кухню, а сам взялся сопроводить молодую хозяйку в столовую. Тянул ли он время, чтобы на кухне успели что-нибудь приготовить, был ли дом тётушки действительно настолько запутан, или же существовал какой-то заговор, но до столовой они добирались не менее пятнадцати минут. Столовая оказалась не менее вычурна, чем весь дом. Всё та же позолота, к которой баронесса Санаи, видимо, испытывала непреодолимую страсть, и, о счастье, белые, просто белые стены, правда, с неизменными золотыми медальонами. Если бы не величина этой комнаты, в которой был расположен стол не менее, чем на шестьдесят персон, Сатура предпочла бы проводить время здесь. Для неё уже было накрыто место слева от хозяйского. Гапполонор почтительно придержал стул и, дождавшись благодарного кивка, налил поочерёдно в два бокала воды и розового вина.

Может, когда столовая была заполнена людьми, она и навевала аппетит, но обедать одной в таком огромном зале было не очень уютно, и Сатура быстро покончив с принесёнными блю-

дами, решила, что больше она ни за что не будет обедать здесь одна, о чём и сообщила ожидающему дворецкому.

– Гапполонор, неужели это единственное помещение, где леди Санаи принимает пищу?

Мужчина смутился, отчего у Сатуры закралось подозрение, что этот помпезный обед был устроен с единственной целью – пустить провинциалке пыль в глаза.

– Это зала для торжественных обедов, мисс Приатт, а леди баронесса предпочитает завтракать в своих покоях, а обедать и ужинать, когда находится дома, конечно, в малой столовой.

– Благодарю, Гапполонор, – девушка согласно кивнула, – впредь я тоже предпочитаю завтракать, обедать и ужинать в малой столовой. И, пожалуйста, пока я не освоилась в этом огромном доме, вас не затруднит присылать за мной кого-нибудь? – немного жалобно закончила она.

Гапполонор утвердительно поклонился и помог молодой хозяйке подняться из-за стола.

– Куда изволите пройти сейчас? – всем своим видом выражая почтение, поинтересовался он.

– Вчера я заметила, что при имении находится прекрасный сад, вы не могли бы меня проводить туда?

Дворецкий опять поклонился и пошёл вперёд, указывая гостье дорогу.

Сад оказался даже лучше, чем Сатура представляла вчера. От идеального полукруга внутреннего двора, в центре которого благоухала клумба с розами самой невероятной расцветки, разбегались шесть аллей, мощёных каждая своим камнем – белым, красным, голубым, жёлтым, зелёным и антрацитово–чёрным. Вдоль каждой аллеи были посажены свои, свойственные только ей, деревья и кустарники, многие из которых сейчас были в цвету. Дома, наверное, тоже цветут сады. Хотя, нет. Нет теперь ни дома, ни цветущих садов. Всё уничтожил дикий дракон-убийца. Ненависть к драконам вспыхнула с новой силой. Казалось, что сейчас она сама, голыми руками, смогла бы придушить его. Как же хорошо, что тётушка живёт не в самой столице Нерайде, и у Сатуры не будет возможности повстречать кого-нибудь из этих чудовищ. Подруги в пансионе говорили, что в столице можно запросто встретить драконов. Более того, каждая из них мечтала о такой встрече. А вдруг кто-нибудь из записных красавцев и сердце-едов обратит на них внимание? Заключать брачные союзы они, к сожалению, предпочитают только внутри своего вида, так как это связано с проблемой рождения наследников мужского пола. Но любовь, она такая, ей же все преграды нипочём.

Сама не замечая куда идёт, она свернула на чёрную аллею. Дорожка соответствовала настроению. Хотелось чего-нибудь мрачного, чтобы ничто не мешало предаваться скорби. Но ошалевшие от солнечного денька птицы совсем не понимали её скорби и на свой лад славили весну. Немного поодаль, в поросшей диким виноградом беседке послышался заливи-стый женский смех и уверенный мужской говорок. Странно, кто там может быть? Неужели слуги в отсутствие хозяйки любят красота сада и, подверженные влиянию весны, флиртуют, пока есть такая возможность. Впрочем, это не её забота, не нужно людям мешать, может, именно здесь и сейчас решается судьба загадочного Гвидо и молчаливой горничной. Сатура спешно повернула обратно. Она села на одну из изящных скамеечек, расставленных по полукругу двора, и прикрыла глаза. Таким образом можно было мечтать, что находишься дома. И рядом играет Даль. Разговаривает с садовником мама. Благодушно попыхивает сигарой папа. Сейчас он откашляется и скажет: «Солнышко, а ты не боишься, что на твоём очаровательном носике появятся веснушки?». Сатура и мама одновременно спохватятся и спрячутся в тень, а Даль категорично заявит: «А я не боюсь, потому что я, как и ты, папа, жгучий брюнет!». Папа захохочет, а мама потреплет мальчишку по голове, чмокнет его в макушку и скажет: «Ты у нас папин сын, милый». Потом папа сгребёт первого, кто ему попадётся, в охапку и тоже чмокнет. К сожалению, ничего этого никогда уже не будет, но помечтать-то можно?

– Очаровательно! Уж не само ли солнце снизошло к нам на землю? Только почему в таких мрачных одеждах? – Сатура узнала голос мужчины, ворковавшего в беседке, память на голоса, как и на многое другое, у неё была отменная.

Пришлось открывать глаза, расставаться с родными, которые так явственно пригрезились в мечтах, и смотреть, кто же потревожил покой. Вернулась тётушка, и с ней приехал кто-то из гостей? Напротив стоял странно одетый молодой человек в свободной белой блузе и обтягивающих бежевых лосинах, на его шее был повязан чересчур пышный красный шёлковый бант. Каштановые волосы искусно уложенной свободной волной сбегали до самых плеч. Сатура никогда не видела живых художников, но именно так она подумала, рассматривая стоящую напротив пару. Художник и его натурщица – хрупкая изящная девушка, в данный момент презрительно морщившая свой прелестный носик.

– Умоляю, молчите! – воскликнул молодой человек, падая на колени. Впрочем, сначала он успел бросить мимолётный взгляд под ноги, а так ли чисты плитки, чтобы коснуться их светлыми штанами. – Я угадаю, кто вы. Вы – нимфа, скорбящая о потери возлюбленного! Да, так и есть! Умоляю, позвольте мне написать с вас картину! О, это будет шедевр! Белое заснеженное поле, посреди поля кровать, застеленная чёрными шёлковыми простынями, а на кровати – златокудрая обнажённая нимфа!

– Милый, но ты ещё не дописал шедевр со мной! – капризно заявила его спутница. – И баронесса ждёт не дожждётся, когда же ты закончишь её портрет.

– А, – будущий гений угля и кисти махнул рукой, – потом, всё потом! Леди баронесса не спешит, а вдохновению не прикажешь.

– Конечно, зачем ей спешить, – надула губки прелестница. – То-то вы всегда закрываетесь в студии, когда ты берёшься писать её портрет!

– Родная, – мужчина взял руки натурщицы в свои и, заглянув ей в глаза, произнёс: – Я в чём-то обделяю тебя? – та отрицательно помотала головой. – Зачем же ты тогда наговариваешь на нашу благодетельницу?

Девушка дёрнулась, дескать, я всё выскажу тебе потом. Сатуре стало неприятно, что пришлось выслушивать непрозрачные намёки в адрес сестры своего отца. Она поднялась со скамьи и произнесла:

– Моё имя Сатура Приатт, я племянница баронессы Санаи. А теперь позвольте откланяться, мне пора, – и она быстро направилась к дому.

– Странно, раньше у неё гостили только молодые племянники, – успела услышать она язвительный женский голос.

Большого труда стоило не ускорить шаги и дойти до двери с высоко поднятой головой. К счастью, находящийся у входа лакей, видимо, специально поджидавший, проводил её до комнаты.

– Спасибо, – поблагодарила она парня.

– Госпожа баронесса сегодня не вернётся, мисс Приатт. Куда прикажете подавать ужин?

– Пусть принесут в мою комнату, – Сатура побоялась, что за ужином она может встретиться с не назвавшим себя художником и его вульгарной подругой.

Утром Сатура поднялась задолго до появления горничной Кари, принёсшей ей завтрак.

– Мисс Сатура, – сконфуженно произнесла та, когда появилась в комнатах хозяйки, – вы уже поднялись? Простите, мы не думали, что вы настолько ранняя пташка. О, даже постель прибрали? Пожалуйста, не делайте больше так, а то баронесса будет гневаться.

– Да, Кари, в пансионе я привыкла рано вставать. Но за что же будет гневаться баронесса? И на кого?

– На меня, мисс Сатура. Наводить порядок в ваших покоях – моя обязанность, и если леди Санаи узнает, что вы всё делаете сами, то скажет, что я плохая горничная.

– Хорошо, Кари, я поняла тебя. Извини, что отбираю у тебя работу, – произнесла Сатура, приступая к завтраку, – только мне тогда совершенно будет нечем заняться, у меня даже нет вышивания.

– Ах, что вы такое говорите, мисс! Как это нечем заняться? Дом баронессы всегда полон молодых людей. Поверьте, им некогда скучать! Леди Санаи очень гостеприимная хозяйка.

– Вполне возможно, – Сатура с грустью вспомнила приёмы, которые устраивали её родители, – но со времени смерти моих родных прошло совсем мало времени, и мне совсем не хочется веселиться.

– Да, конечно, мисс, – Кари покаянно потупила глаза. – Простите, мисс, мою бестактность. Но вы всё равно больше не делайте мою работу, хорошо?

– Хорошо, – пришлось согласиться с горничной, боявшейся потерять свою работу. – Кари, а знаешь, отведи меня в библиотеку! В поместье есть библиотека?

– Да, да, есть! – Кари радостно закивала головой. Ещё бы, наконец-то эта странная родственница госпожи найдёт себе занятие и не будет отбирать у неё работу. – У баронессы есть замечательная библиотека, и молодые леди, и даже иногда лорды берут оттуда книги!

– Прекрасно, – обрадовалась Сатура, – веди!

Библиотека в поместье баронов Санаи оказалась огромным и, к счастью для Сатуры, совершенно безлюдным помещением. Что особенно радовало, здесь совершенно отсутствовала столь распространённая по всему дому позолота, лишь золотые перья письменного прибора на столе указывали на любовь хозяйки к этому металлу. А в остальном здесь царствовало дерево. Потемневшие деревянные панели, массивные стеллажи, уходящие в потолок, несколько изящных лесенок, установленных для того, чтобы можно было брать книги с верхних полок. И запах. Ни с чем несравнимый запах древних фолиантов. Впечатление немного испортила Кари, всё громче сопящая сзади и, в конце концов, разразившаяся громким чихом.

– Простите, мисс, – испуганно извинилась она, – здесь такой запах, не каждый его выдержит!

– Да, конечно, – Сатура с жадностью оглядывала полки и совсем не понимала, как может не нравиться этот запах, – можешь идти.

– Вот, мисс, на этих стеллажах стоят книги для леди, – Кари указала на несколько стеллажей, выделяющихся своей новизной, и указала на них рукой. – А я пойду?

Сатура кивком отпустила горничную, прошла к указанным полкам и взяла первую попавшуюся книгу. «Страсть Гиреоны». На обложке красовалась пышногрудая красавица, трепетавшая в объятиях не менее привлекательного лорда. Да в пансионе за один взгляд на такую картинку девчонок на неделю посадили бы на хлеб и воду. Хотя, подружки всё же умудрились пронести контрабандную литературу, и потом зачитывали книжку до дыр, передавая драгоценное чтиво из рук в руки. Читала несколько таких и сама Сатура. Бушующие на бумаге страсти и красочные картинки воспаляли воображение, но девушка сомневалась, что, к примеру, мама и папа могли испытывать то же самое, что описывалось в книгах, и что их поджидали подобные приключения на пути к счастью. Хотя, было бы интересно узнать, как они познакомились, как у них начиналась любовь, были ли хоть какие-нибудь приключения в их жизни. Жаль, что родители уже никогда не смогут ей рассказать об этом. А ведь мама намекала на что-то подобное. «Вырастешь, доченька, – говаривала порой она, – и я тебе расскажу историю моего знакомства с твоим папой и твоего рождения». Теперь этого уже никогда не узнать. Можно лишь додумать самой или выбрать на полках книгу с сюжетом покрасивее и решить, что это история родителей. Только не сейчас. Читать и думать, что именно эти леди и лорд могли бы быть её родителями, тяжело. Когда-нибудь она так и сделает. А может, сама придумает историю их любви.

Но что же почитать сейчас? Похоже, на ближних полках располагались книги, пользующиеся наибольшим спросом. Значит, нужно искать в глубине библиотеки. Судя по размерам,

библиотека родового поместья баронов Санаи собиралась не одно поколение. К счастью, книги были чётко поделены по темам. Книги по истории мира, истории империи Саадах и её столицы Нерайды. Книги по истории рас, населяющих мир и знатных родов, включая генеалогию всех правящих династий. Книги по географии, по наукам, о многих из которых Сатура имела очень смутное представление, а о существовании некоторых из них она даже не подозревала. На отдельной полке стояли потёртые тетради, видимо, дневники баронов Санаи. Некоторые книжные шкафы были надёжно заперты. Не очень-то и хотелось туда попасть, даже того, что есть в свободном доступе, не удастся прочесть за всю короткую человеческую жизнь.

И всё же, что почитать? И тут девушку озарило. Она должна прочитать о драконах. Как же так получается, что драконы, ревностно пекущиеся о своём столь редком потомстве, допускают, что появляются дикие драконы? На уроках мисс Тюиль ни разу не упоминала о диких драконах, и уж тем более, об их нападениях на кого-либо, как будто такого явления не было вообще. Или оно стало пережитком прошлого, ибо в сказках и преданиях нападения драконов всё же случались. Как оказывается, они далеко не сказка.

И она нашла полку, на которой стояли книги и изыскания о драконьей расе. Их было немного. Вернее, вообще удивительно, что они были, ибо гордецы не любили распространять о себе сведения. Ещё бы! Где они – древняя долгоживущая раса, и где мелкие людишки, проживающие свой век так быстро, что за это время дракон только входит в пору зрелости. Людям позволялось жить с ними, восхищаться ими, иногда драконы заводили кратковременные интрижки с представителями людей, но семьи они создавали только в пределах своей расы. Бессмысленно связывать свою жизнь с той, которая увянет и постареет намного раньше, чем супруг.

Многие из книг о драконах были написаны на драконьем языке. Хорошо, что Сатура была очень прилежна, и легко запоминала то, чему её учили в пансионе. К сожалению, либо те книги были написаны для тех, кто родился драконом, и многие понятия им были ясны с самого рождения, либо в них были описаны общеизвестные факты, которые изучались во всех школах. История, иерархический уклад, их искусство, и то, что драконам может быть подвластна магия. Может, удастся узнать что-то интересное из рукописных трудов и дневников? Для начала девушка выбрала исследование одного из предков барона Санаи, посвящённое драконам. Видимо, этот самый барон Санаи когда-то был близок к одному из драконьих семейств. Вполне возможно, что сами драконы не догадывались о существовании этого документа. Сатура взяла рукописную толстую тетрадь и уютно устроилась в мягком кресле у высокого эркерного окна.

Как она и думала, автор книги шестой барон Санаи, Вольферд Санаи служил при дворе одного из драконов. Большая часть рукописи была посвящена страданиям барона Вольферда по ветреной красавице – драконице Айдель, вернее, имя у неё было другое, длинное, как драконья жизнь, но в мыслях и на бумаге влюблённый предпочитал величать её именно так. Благодаря этой безответной любви и появилась на свет тетрадь, что сейчас держала в руках Сатура. Не то, что бы Айдель не замечала пылкого влюблённого. Замечала, и даже уделяла ему знаки внимания. Но, как жаловался бумаге сам барон Вольферд, для неё он был лишь занятой бабочкой-однодневкой, появившейся на краткий миг лишь для того, чтобы скрасить её жизнь. Среди жалоб на вероломность прекрасной возлюбленной в тетради иногда проскальзывали и интересные для Сатуры факты. Оказалось, что сильный организм драконицы не может зачать ребёнка от человека. Потому драконицы так охотно и беззаботно завязывали с людьми краткосрочные интрижки. Интересно, значит, у мужчины-человека и драконицы детей быть не может. К сожалению, эта была вся полезная информация, которую Сатуре удалось почерпнуть из труда шестого барона Санаи. Судя по тому, что род баронов Санаи не прервался, бедняга Вольферд переболел своей любовью и, в конце концов, женился на обычной человеческой девушке.

Похоже, сегодня ничего не удастся найти о том, откуда же берутся дикие драконы. Сатура выбрала фолиант на драконьем с помпезным названием «Становление империи» и собралась идти к себе в комнату. Она уже направилась к выходу, как вдруг за дверью послышались голоса. Вроде бы и не делала ничего плохого, но почему-то стало немного неуютно от того, что вошедшие увидят, какую книгу она выбрала. Пришлось быстро спрятать увесистый фолиант за томиками с яркими обложками и, схватив первую попавшуюся книжку, прижать её к груди, прячась от неожиданных визитёров за эфемерной преградой. Дверь отворилась, и в библиотеку ввалилась весёлая компания молодых леди и лордов. Хотя, пусть Сатура и видела на своём веку не очень много настоящих лордов и леди, у неё сложилось впечатление, что лорды – и вправду лорды. А вот леди. Немного ярче, чем дозволяется этикетом, одеты, немного громче, чем положено смеются, да и смотрят на лордов излишне раскованно. Впрочем, кто она такая, чтобы судить о царящих в столице нравах? Всего лишь провинциальная пансионерка, в которую восемь лет вколачивали строгие правила поведения.

– О, – восторженно воскликнул один из парней, – каких очаровательных созданий можно встретить в библиотеке баронессы! Леди, я сражён! Сражён, как тот рыцарь на обложке вашей книги!

Сатура глянула на обложку книги, что так крепко прижимала к груди. Книга называлась «Непокорная девственница». Там была изображена, похоже, та самая девственница, одетая в сложную сбрую из кожи и металла, едва прикрывающую грудь и бёдра. В руках она держала меч, почти в полтора раза длиннее её самой. Кончик этого меча и правая нога в золотом плетёном сандалиии опирались на корчащегося в агонии рыцаря в чёрных доспехах. Надо же было так опростоволоситься! Щёки помимо воли залились ярким румянцем. Нужно было что-то ответить лорду, но язык словно присох к нёбу. Бочком, бочком, словно боясь задеть пышные юбки присутствующих дам, Сатура пробралась к выходу и позорно бежала из библиотеки, как будто её поймали за непристойным занятием. Хотя, это ещё как посмотреть. Чтение книжнок, подобных той, что она до сих пор прижимала к груди, в пансионе леди Роэны считалось очень непристойным. За захлопнувшей дверью послышался весёлый смех. Смеялись, в основном, женщины, но слышались среди них и мужские смешки. Ну вот, находится у тётушки чуть больше суток, а уже стала общим посмешищем. И ведь ясно, что сами молодые люди пришли в библиотеку вовсе не за драконьей историей, почему же они позволяют себе смеяться над ней? Что-то подсказывает, что эти каникулы покажутся очень длинными.

Сидеть без дела в своей комнате было очень тоскливо. Почему-то именно в такие моменты, когда голова была ничем не занята, особенно остро воспринималась боль потери. Слух пытался уловить звук маминих шагов за дверью, папин голос или смех Даллена за открытым окном. Умом Сатура понимала, что ничего этого никогда уже не будет. Но глупое сердце никак не могло поверить.

Чем бы занять себя, чтобы не думать? В саду и библиотеке можно было повстречаться с гостями тётушки, а этого Сатуре не хотелось. Пришлось читать книгу, которую унесла из библиотеки. Да-а. Непокорной героиня была только первые три страницы. А потом. Потом она тоже не очень-то покорялась кому-нибудь, но зато очень даже позволяла покоряться мужчинам, что они и делали, с завидной регулярностью меняясь в её постели. И не в постели. Да они ей везде покорялись! Даже зная, что за чтением её никто не видит, Сатура чувствовала, как горят щёки. Это же надо такого напридумывать! Иногда во время чтения складывалось ощущение, что мужчины выстраивались в очередь, чтобы покориться неистовой воительнице. Книжка была глупой и постыдной. Но оторваться было сложно. Ничего, успокаивала себя девушка, никто и никогда не узнает, что она читала такое. Те молодые люди в библиотеке в счёт не идут, потому что не знакомы, а подружкам в пансионе она ни за что не расскажет. Ох, какими же невинными сейчас показались те книги, что девчонки прятали от учителей в

пансионе. И как томно замирало сердце только при слове «поцелуй». А здесь. Какой стыд! Сердце не просто замирает, оно останавливается! А ещё. Ещё низ живота одновременно ноет, обмирает и, как будто, горит. И соски становятся такими чувствительными, как будто именно сейчас их лизнёт жрец Ригош, к которому героиня книги пришла покаяться в своих грехах.

Зачитавшись, Сатура не услышала приблизившихся шагов.

– Дорогая, как ты? – в комнату ворвалась тётушка. – Вчера мне пришлось спешно уехать, но, надеюсь, ты не скучала. В моём доме всегда полно гостей. Это мои друзья. Ты уже встречалась с ними? – девушка лишь кивнула, не имея возможности вставить хоть слово в монолог своей родственницы. – Вот и замечательно, надеюсь, что они станут и твоими друзьями. Они помогут тебе развеять тоску, как это произошло со мной. Ты читаешь? Прекрасно, я могу помочь тебе с подбором литературы. Я смогла собрать неплохую библиотеку, пока жила в этом доме. Мадам Жози пообещала, что первые несколько нарядов придут уже после обеда, и я надеюсь, что ты сможешь выйти к ужину в приличном виде. Ах, да, нужно будет пересмотреть свои баночки с кремами и поделиться с тобой. Бедняжка, у тебя же совсем нет косметики! Хотя, – баронесса критически оглядела племянницу, – она тебе и ни к чему. Как же хорошо, когда на твоей стороне выступает сама молодость!

Леди Санаи беспечно перескакивала с темы на тему, а Сатура лишь вежливо кивала, делая вид, что соглашается со всем, что говорит баронесса. Сейчас её волновала совсем другая проблема – как бы сделать так, чтобы тётушка не заметила, какую книгу племянница читала до её прихода, иначе старшая родственница никогда не простит такого позора. А, может, даже откажет от дома и отправит в специальное место для испорченных девиц. Ну почему она не выбросила эту мерзость в камин? Хотя, в связи с тёплым временем года камин не горел. Но можно было спрятать под подушку, а ночью унести на место. Нет же, развеяла скуку.

К счастью, тётушка не стояла на месте, а быстро передвигалась по комнате, по привычке переставляя с места на место мелкие безделушки. В один из моментов, когда она отвернулась, Сатуре удалось быстро затолкать книжку под одну из подушек кресла, на котором она сидела. Какой же камень упал с души. Похоже, ей не было так легко с той самой поры, когда она жила в пансионе, и пока директриса Роэна не сообщила о смерти родителей и Даля. От этих мыслей нахлынул ещё больший стыд. Как можно равнять смерть родных и жалкую книжонку! Да она согласна всю жизнь провести в пансионе для испорченных девиц, лишь бы все были живы.

– Вот и прекрасно, моя дорогая, – мягко улыбнулась тётушка, закончив свою речь. – Кари поможет тебе собраться к ужину и проводит в столовую. А я пойду, у меня ещё есть кое-какие дела. Ты не будешь скучать? – Сатура отрицательно замотала головой. Ф-фух, кажется, пронесло. Нужно будет сегодня же ночью вернуть книгу на место.

Сразу после обеда, который горничная принесла в комнату, прибыли наряды от мадам Жози. Ну что сказать? Чёрный цвет в них, конечно, присутствовал, но это было единственным, что указывало на траур их обладательницы. Одно из платьев – фиолетовое с перемежающимися чёрными и сиреневыми вставками, судя по лёгкости ткани, было утренним. Лёгкий развевающийся рукав до локтя, открытая шея. Сатура тяжело вздохнула и принялась разглядывать второе платье. Материала на него пошло гораздо больше, чем на первое, но весь этот искрящийся чёрный и пепельный газовый пошли на низ изделия. На лиф ткани явно не хватило, и возникли законные сомнения, а не вывалится ли из этого платья грудь, пусть и не слишком большая, если нечаянно сделать неловкое движение?

– Кари, я это не надену. Передай тётушке, что я не смогу явиться на ужин.

Горничная, оторвавшись от созерцания обновок, послушно вышла из комнаты. Совсем скоро она вернулась в сопровождении хозяйки.

– Дорогая, тебе не понравились мои подарки? – трагическим голосом спросила баронесса. – Я так старалась угодить тебе и хоть немного развеять твою печаль!

Ну вот, теперь Сатура чувствует себя виноватой. Видно же, что тётушка старалась, тратила своё время, деньги, и немалые деньги, а она привередничает.

– Раина, эти платья слишком откровенны для траурных, – попыталась оправдаться она.

– Ах, милая, как я тебя понимаю. Но и ты меня пойми! В моём доме присутствуют гости! Они приехали отдохнуть, развлечься. Да, конечно, они нам сочувствуют, но постоянно видеть мрачные лица и одежды тяжело. Давай пойдём им навстречу, и постараемся выражать своё горе наедине, хорошо? Ну, пожалуйста, моя родная, – леди Санай приобняла дочь брата.

Пришлось согласно кивнуть. А что здесь ещё скажешь? У Сатуры теперь нет своего дома, где можно было устанавливать свои правила. И тех, кого бы интересовало её мнение, тоже нет.

– Раина! – кое-как удалось вставить слово в поток словесного водопада. – Я надену одно из этих платьев на ужин, но... позволь мне самой сшить для себя хотя бы одно платье! Ну, пожалуйста! И, потом, мне скучно. Должна же я чем-то занять себя.

– Беденькая, тебе скучно, – опечалилась тётушка, – ничего, это до тех пор, пока ты не найдешь себе друзей. Я обязательно познакомлю тебя с кем-нибудь из гостей и пришло в твою комнату книг, чтобы ты не скучала. Надеюсь, книги будут познавательными. Тебе уже пора взрослеть, моя девочка!

– А платье? – Сатура поняла, что баронесса ловко уходит от ответа.

– Ах, платья, ну, конечно, ты можешь сшить себе всё, что захочешь! Кари, – обратилась она к покорно ожидающей горничной, – покажешь моей девочке, где у нас находятся мастерские!

Попрощавшись до ужина, тётушка покинула комнату. Кари скромно ожидала в сторонке, пока привередливая хозяйка выберет, какое же из двух платьев стоит надеть к ужину. И что же выбрать? Весьма откровенное вечернее, или прослыть совсем уж невежественной в этикете и надеть более скромное утреннее? Эх, опять тётушка расстроится. Сатура пресекла возражения горничной и попросила приготовить то, что хотя бы прикрывало грудь и плечи. Но, словно в оправдание за самовольно выбранное платье, пришлось согласиться на монументальную причёску, щедро усыпанную заколками старинного тёмного серебра, любезно предоставленными тётушкой. «Они так подойдут к траурным одеждам, милая!» – поведала та.

Глава 3

Зря Сатура надеялась, что если она придёт в последний момент, то все будут увлечены разговором друг с другом и предвкушением ужина. Её появление, можно сказать, триумфальное, не осталось незамеченным. Головы всех гостей, находящихся к тому моменту в обеденной зале, как по команде, повернулись в её сторону, причём на лице баронессы промелькнули неудовольствие и досада. Впрочем, леди Санаи быстро взяла себя в руки, широко улыбнулась и пошла навстречу племяннице.

– Дорогая моя девочка, я так тронута тем, что ты смогла превозмочь свою скорбь и присоединиться к нам! – произнесла она так, чтобы слышали все присутствующие. – Господа! – воскликнула она, и теперь Сатура была точно уверена, что внимание всех, находящихся в зале, приковано именно к ней. – Позвольте вам представить дочь моего горячо любимого погибшего и горько оплакиваемого брата Ригора Приатта Сатуру Приатт. Девочка тяжело переживает потерю семьи. Вы знаете, что мой брат, его жена и сын погибли при нападении дикого дракона, а потому её очень расстраивают все упоминания о драконах. Я бы попросила всех вас быть милосердными и, по возможности, не упоминать при ней этих древних созданий матери природы.

Невероятно красивый молодой блондин – высокий, широкоплечий, голубоглазый – как будто сошедший с обложки дамской книжки, стоял в окружении стайки разномастных девиц. Именно в этот момент он решил поднести к губам бокал, но поперхнулся и закашлялся. Девы сочувствующе заохали, наперебой предлагая свою помощь. Пользуясь тем, что внимание гостей было отвлечено на него, тётушка оттащила Сатуру в сторону.

– Ты почему не надела вечернее платье? – как можно тише прошептала она.

Можно было сказать, что на плече, которое откроется, если надеть вечернее платье, находится безобразное родимое пятно или даже шрам, но, к сожалению, леди Раина видела племянницу в одной рубашке, когда портниха снимала мерки. Можно было сказать, что не разбирается в предназначении одежды, но... врать не хорошо.

– Раина, мне стыдно надевать такое откровенное платье, – опустив глаза, призналась Сатура.

– Стыдно? Да ты посмотри на присутствующих дам! Их платья ещё более открыты!

И правда, складывалось впечатление, что некоторые дамы забыли надеть нижние юбки, ну, или они были столь же прозрачны, как и верхние. А у нескольких из них грудь удерживалась в корсете не иначе как с помощью магического амулета. Хотя нет, вон у той дамы, что так старательно охает около поперхнувшегося блондина, амулета нет, и правая грудь, нужно сказать весьма приятная на вид, всё же выскочила из лифа, но бедняжка не заметила этого сразу и ещё некоторое время осыпала пострадавшего ненужными уже советами. Потом, обнаружив такой конфуз, мило покраснела и, извинившись, ловко исправила непорядок в одежде.

– Это столица! Понимаешь? Столица империи, – продолжала тихо поучать тётушка. – Здесь совсем иная мода, нежели в провинции! И уровень отношений совсем другой. Мы уже давно переросли многие пережитки патриархального уклада. Тебе просто нужно принять это, как должное. Чем скорее ты это сделаешь, тем лучше будет для тебя. Возможно, именно среди этих молодых людей ты и отыщешь свою судьбу!

– Тётушка, я не выдержу здесь до начала занятий, – почти простонала Сатура.

– Ну вот, снова тётушка, – леди Санаи уже не удавалось скрывать своё недовольство, – это обращение меня старит, ты понимаешь? – племянница покорно кивнула. – И потом, о каких занятиях ты говоришь?

– Но, как же, мне ещё год учиться в пансионе.

– Ох, милая, поговорим об этом завтра, – отмахнулась баронесса, – уже пора за стол, – и она проследовала на место хозяйки дома.

Гости, последовав её примеру, стали занимать отведённые им места. Справа от баронессы, там, где должен был восседать, и когда-то восседал барон Санаи, лежала чёрная подушечка. Всё верно, это место может занимать только Глава рода, а семилетний Тиален – сын Раины – четырнадцатый барон Санаи, был ещё очень мал, чтобы занимать его. Зато следующее место по правую руку занял именно тот красавчик-блондин, к которому было неизменно приковано внимание всех находящихся дам. И, словно в насмешку над дамами и Сатурой, она сидела напротив него. Мужчина, не стесняясь, оглядел свою визави, затем подмигнул и произнёс глубоким бархатным голосом:

– Дорогая Раи, ты представила свою племянницу нам, но не успела представить нас ей. Умоляю, исправь эту оплошность, иначе я, как благовоспитанный кавалер, не смогу вести беседу со столь приятной леди!

– О, ну конечно же, – баронесса приветливо улыбнулась, – Сатура, позволь представить тебе, – здесь тётушка, словно забыв имя гостя запнулась.

– Торшелл, можно просто Торшелл, какие могут быть церемонии между близкими людьми, – блондин смотрел прямо в глаза Сатуре, и той оставалось только гадать, когда же они стали настолько близки?

– Тогда и для вас я просто Сатура, – пришлось мило улыбнуться и ответить так, как требовали приличия, и ожидал этот самый Торшелл. Она уже и так сегодня не единожды вызывала недовольство тётушки. И придётся стойко терпеть внимание красавчика и косые взгляды дам, которые с завистью поглядывали на то, как лорд Торшелл, а он, несомненно, был лордом, изо всех сил старается вызвать улыбку на лице своей собеседницы.

Надежды Сатуры на то, что после ужина можно будет проститься и удалиться к себе, провалились ещё на стадии их формирования. Лорд Торшелл не собирался так быстро расставаться с заинтересовавшей его девушкой. Он заявил прямо:

– Сатура, позвольте мне побыть этот вечер вашим кавалером!

И ведь словно понял, хитрец, что она не посмеет отказать в присутствии тётушки, которая с восторгом подхватила его предложение.

– Ах, лорд Торшелл, – ворковала баронесса, – право, вы так добры и снисходительны к моей неопытной племяннице! Вы сразу заметили, что ей требуется внимание чуткого друга. Того, кто сможет поддержать и направить, подсказать, может быть, даже пожурить. Высшее общество, оно же такое безжалостное, и не прощает малейших промахов. А если за моей дорогой девочкой присмотрит такой уважаемый член этого самого общества, то я смогу быть за неё спокойна, и уверена, что малышка находится в надёжных руках, – леди Санаи доверчиво положила свою руку поверх руки лорда и, преданно глядя ему в глаза, продолжила: – И, потом, кому, как не вам уберечь её от внимания ужасных драконов.

– Дорогая Раина, – лорд Торшелл слегка сжал женскую руку, – и почему я не могу вам никогда отказать?

– Потому что мои просьбы всегда совпадают с вашими желаниями? – тихо, чтобы услышал только мужчина, шепнула она.

– Сатура, с этого самого мига я в полном вашем распоряжении, – улыбка лорда была скромной и доброй.

Как благовоспитанной девушке, пришлось кивать в ответ и благодарить за внимание. После ужина Торшелл чинно предложил Сатуре руку и повёл её к выходу.

– Если вы сейчас изъявите желание проститься со мной, чтобы удалиться в свои покои и отдохнуть, я не буду возражать, лишь попрошу дозволения немного проводить вас, – начал лорд разговор после того, как они покинули общую залу, – но тогда вы не увидите, как цветёт тайли. Вы видели хоть раз, как он цветёт?

– Видела ли я как цветёт тайли? – Сатура невольно заинтересовалась. – Откуда? Он цветёт так высоко в горах, куда добираются только... орлы. Говорят, он невообразимо прекрасен.

– Возможно, так говорят потому, что цветок – большая редкость. А, вообще, я считаю, что каждый цветок, созданный матерью-природой, прекрасен.

– Вы хотите сказать, что уже видели его? – тело девушки непроизвольно сжалось, в голове зашумело, ведь, кроме орлов в местах, где растёт тайли, летали только драконы. Значит ли это...

– Да, видел, – небрежно, словно не заметил состояния собеседницы, ответил лорд Торшелл, – вот уже пару лет, как баронессе Санаи преподнесли растение в дар, и её садовнику удалось добиться того, чтобы этот диковинный цветок расцвёл в оранжерее.

– И вы прямо сейчас предлагаете пойти туда? – сколько же Сатура прочитала книжек про предложения «посмотреть картину, набор кинжалов или парочку ненужных изумрудов».

– Ну да, – мужчина безмятежно кивнул и, словно не заметив возникшего напряжения, продолжил: – Должно быть, все гости уже там, ведь тайли цветёт всего сутки, и именно ночью его запах наиболее восхитителен.

– Так мы там будем не одни? – слова вырвались прежде, чем девушка осознала, что же она сказала.

Тем не менее, если лорд и заметил оплошность, то не подал виду.

– Сатура, большинство из гостей специально приехали в поместье баронессы Санаи, чтобы полюбоваться на этот цветок!

– Значит, он и вправду прекрасен, как говорят, – недоверие к лорду Торшеллу постепенно таяло.

– Скорее, моден, – заговорщицки признался он, – вот увидите, войди завтра в моду огромные деревья из пустыни Отгара, и все кинутся восхищаться ими.

– Лорд Торшелл, – начала Сатура, – как вы думаете, не сочтут ли гости баронессы неприличием, если мы вместе придём в оранжерею?

– Они скорее сочтут так, если мы не появимся там, – доверительно склонившись, сообщил мужчина.

От этих слов щёки вспыхнули румянцем смущения.

– Пойдёмте скорее, если это так! – как-то само собой получилось, что Сатура оперлась на любезно подставленный локоть.

Так они и вошли в оранжерею, и вправду заполненную гостями. Дамы громко охали, восхищаясь красотой цветка, мужчины благоразумно поддакивали. Нашей паре даже пришлось отстоять некое подобие очереди, чтобы иметь возможность взглянуть на это редкое чудо. Цветок находился за изящной кованой решёткой в отдельном уголке, имитирующем неприступную скалу. Нежные голубовато-зелёные листочки пробивались из крохотного клочка серой песчаной земли, забившегося между замшелых скал. Из розетки листьев робко выглядывал сам цветок – его белоснежные лепестки были словно кружево, сотканное искусной мастерицей. Сатура даже затаила дыхание, настолько восхитителен был цветок. А запах. В воздухе реально ощущался бодрящий запах зимнего морозца. Надо же! Никогда не задумывалась, что мороз может пахнуть.

– Как же он прекрасен!

– Не прекраснее, чем вы сейчас, – эх, ну вот зачем лорд Торшелл испортил всё очарование момента!

– Благодарю за комплимент, – прозвучала в ответ сухая дежурная фраза.

– Простите, если обидел вас банальностью, но слова вырвались помимо воли. Сатура, вы как глоток прохладного воздуха в знойный день, вы – звезда в рое надоедливых светлячков, вы – сияющая вершина на далёком горизонте! – говоря так, лорд Торшелл отступил со своей

спутницей немного в сторону, чтобы и другие гости могли полюбоваться цветком. Впрочем, всё было в пределах приличий, они были в зоне видимости не менее двух десятков человек.

– Ну что вы такое говорите, – Сатура всё же смутилась. Это были первые слова восхищения, которые она слышала от мужчины. И от какого мужчины! Мечты большинства присутствующих дам.

– Если я приукрасил, то совсем немного, – покорно покаялся лорд Тошелл, а затем спросил: – Вы как, пойдёте отдыхать или согласны погулять ещё? Я уже слышу музыку на открытой веранде, значит, скоро желающие смогут потанцевать.

– Благодарю за приглашение, лорд Торшелл, – чинно ответила Сатура, – но, прошу меня простить, у меня траур по родителям и брату, мне не хочется танцевать.

– Ну что вы! Это вы меня простите за бестактность! – смутился её спутник. – Вы позволите проводить вас? – лорд Торшелл элегантно предложил руку, на которую пришлось опереться, чтобы присутствующие не приняли её за набивающую себе цену кокетку.

Мужчина довёл свою спутницу до дверей её покоев, осторожно снял руку девушки со своего локтя, поднёс к губам, чтобы поцеловать кончики пальцев, как это позволялось этикетом, но в последний момент развернул её ладонь и... лизнул самый центр. Как какой-нибудь щенок, отметила про себя изумлённая Сатура. В который уже раз за этот вечер она почувствовала, как горят щёки. Не о таком ли кавалере она мечтала совсем недавно, в пансионе, когда небо было голубым, солнце – ярким, а родители и Даль были живы? И вот, почти всё, о чём мечтала, есть. Галантный кавалер, уделяющий внимание только ей, возможность носить модные платья, даже редкие цветы. Нет только папы, мамы и Даля.

– Я вас обидел? – и как только в полумраке коридора Торшелл смог заметить предательскую слезинку в уголке глаза?

– Нет, что вы, Торшелл, ни в коем разе, просто подумалось о том, что папа и мама так мечтали о моём первом выходе в свет. Мама даже обещала открыть какую-то тайну, – смахнув слезу, печально улыбнулась девушка.

– Тайны на то и существуют, чтобы оставаться тайнами, – жутким шёпотом произнёс мужчина, затем почтительно склонил голову и, пожелав спокойного отдыха, удалился.

Зайдя в комнату, Сатура прошла к креслу, и тяжело опустилась на него, словно весь день отбывала тяжёлое наказание в пансионе. Ох, кажется, под подушкой ещё лежит злосчастная книга, нужно сегодня же отнести её на место. Словно ожидала за дверью, в комнате появилась Кари. Интересно, может так получиться, что горничная и вправду ожидала неподалёку в коридоре? Ведь показалось же на мгновение, что в тот момент, когда лорд Торшелл так интимно приложился к её ладони, как будто в конце коридора что-то мелькнуло. Ну, да ладно, в данный момент Кари сама видит, что хозяйка находится одна.

– Кари, – обратилась она к служанке, – помоги, пожалуйста, снять мне платье, подготовь ванну и вытащи, наконец, эти ужасные заколки из моих волос, у меня так разболелась от них голова, – позволила себе в конце пожаловаться Сатура, – и можешь идти отдыхать.

– Да, мисс Сатура!

Догадливая горничная начала с последней просьбы, и вскоре можно было облегчённо вздохнуть, ощутив блаженство, как будто голову вынули из пыточных тисков. И как только все леди постоянно носят на себе эти ужасные сооружения из волос, драгоценных металлов и камней?

Если бы вода не остывала, лежать в ванной можно было бы вечно, но, здесь нет мифических драконьих источников, так что придётся выбираться. Да и книгу нужно вернуть в библиотеку. Сатура вытерлась мягким пушистым полотенцем и, проигнорировав приготовленный Кари халат, опять облачилась в свой, скрывающий тело от шеи до пят. И чем он не понравился тётушке? Мягкий, тёплый, уютный. Как мамины руки, что пошили его. Да она ни за что не

поменяет его на другой. А вот смешными туфельками из розового пуха, что поджидали на полу ванной комнаты, вполне можно воспользоваться. Из своих Сатура захватила только две пары обуви – белые туфли для выхода и удобные дорожные башмаки.

Девушка достала из-под подушки книгу и совсем уж собралась идти в библиотеку – вряд ли там кто-нибудь сейчас находится – все либо любят цветы, либо танцуют. Но воительница с обложки как будто подмигнула, намекая, «Неужели не узнаешь, кто же покорит меня?». И Сатура сдалась. Она не любила оставлять непрочитанные книги. Ведь как получается? Прочитал книгу, узнал, чем же всё закончилось, порадовался за героев, если у них сложилось всё прекрасно, или же поплакал, если умерли все, и успокоился. Книга тебя отпустила. А если книга не дочитана? В голове выстраиваются и выстраиваются сюжетные линии. Раз за разом пытаешься представить, как же у героев сложилась судьба. И тот факт, что содержание книги нисколько не целомудренно для пансионерки, только ещё больше распаляет воображение, которое не могут прогнать даже печальные мысли о потере родных. Решено, она дочитает книгу и тут же забудет о ней.

Закончила читать Сатура далеко за полночь. Глупая книжка. Жаль потраченного времени. Ничего не поняла эта горе-воительница. Нельзя одновременно воевать с мужчинами и так активно их использовать по прямому назначению. Ничем хорошим это не заканчивается. Как будто мало пролила в последнее время слёз Сатура. Теперь вот, как последняя дурочка, плачет над судьбой книжной гулящей девки. А ведь сколько раз та могла устроить свою судьбу! Нет же, выбрала свой путь, который и привёл её в пропасть. В буквальном смысле. В последний раз всхлипнув, девушка взяла книгу и осторожно выглянула в коридор. По случаю ночного времени его освещал только один светильник. Вот и хорошо, можно надеяться, что никто не заметит её ночных походов.

До библиотеки удалось добраться без приключений, то есть, не заблудиться и никого не встретить на своём пути. Сатура с облегчением перевела дыхание, которое она неосознанно для себя задерживала всю дорогу, и поставила злосчастную книгу на полку. Осталось отыскать ту, что она припрятала ранее и тоже водрузить на место. Ну, вот и всё, можно возвращаться. Она уже собралась открыть дверь, как услышала приближающиеся шаги и хихиканье. Вот досада! И чего этим леди не спится! Ночь же на дворе! Ну какие книги могут быть ночью! Размышляя так, Сатура лихорадочно искала место, где бы можно было спрятаться. Прекрасно! Тяжёлые бархатные портьеры подходят для этого как нельзя кстати. И она на цыпочках, чтобы не стучать каблучками, перебежала в найденное убежище.

– ... лорд Колтер сразу предлагал посмотреть этот атлас, – возбуждённо рассказывала одна из двух дам, что мгновение спустя зашли в библиотеку. – О, здесь и светильник горит, – отметила она, – так вот, Колти так и сказал: «Мисс Эрметта, взгляните, какой подробный атлас! Вы, как я слышал, интересуетесь анатомией? Не хотите ли посмотреть его на досуге? А я бы помог с консультацией, если бы вдруг что-нибудь стало непонятно». А какая там анатомия, Ани? Там же сплошь голые мужские и женские тела! И позы. Всякие-всякие позы, Ани! Мы с тобой обязательно должны увидеть это! Это так волнующе, Ани! И познавательно, в конце концов, – задыхаясь от возбуждения, закончила болтушка, – ну, где же он, Колти здесь же его поставил! Что-то я никак не могу найти.

– Может, лорд Колтер и взял атлас? – предположила подруга.

– Нет, он сказал, что в их домашней библиотеке есть такой. И, представляешь, – Колти сказал, что им пользуется! Да что же такое, куда мог исчезнуть атлас?!

– Нужно было брать, когда предлагали, – недовольно проворчала подруга.

– Ну да, и надо мной все бы смеялись, как над той провинциальной дурочкой, которую мы застали здесь. Нет уж, возьму втайне от всех.

Сатура, до этого момента лишь досадно морщившаяся от того, что пришлось слушать столь приватный разговор, вздрогнула и чуть не выскочила из своего убежища, чтобы по-сво-

ему разобраться, кто же из находящихся здесь дам дурочка. Но смогла сдержать себя, только до боли прижала кулачки ко рту, чтобы не начать всхлипывать.

– Ну да, дурочка–дурочкой, а сумела зацепить самого Торши, – заметила неизвестная Ани.

– Ай, Ани, ну что ты говоришь, это Раина попросила Торшелла поухаживать за бедняжкой, чтобы она не чувствовала себя совсем уж ненужной! Ты же тоже была за обедом и видела всё сама!

– Была и видела, – не стала отрицать Ани, – но я видела и другое! – победно сообщила она и замолчала.

– Что? Торши целовал эту замарашку в уголке? – пренебрежительно предположила Эрметта.

– А ты-то откуда знаешь? Это видела только я, – удивилась болтушка.

– Что?! Торши целовал эту замарашку в уголке?!

– Ну-у, не то, что бы уж совсем прямо целовал, но руку целовал очень возбуждающе!

– Ай, Ани, тебя всё возбуждает, давай найдём атлас и быстрее уйдём отсюда! Такое количество книг навевает на меня тоску, – Эрметта сладко, в голос, зевнула.

– И для чего Раина подсунула лорду Торшеллу свою племянницу? Неужели, надеется, что с помощью девчонки сможет удержать его в своей постели? – продолжала щебетать Ани.

– А, может, и так, ты же знаешь, Торши никому не отказывает, – не стала возражать первая сплетница.

– Ну да, так уж и никому, – с сожалением произнесла её собеседница, затем глубоко вздохнула и продолжила: – Знаешь, я видела, как баронесса днём направлялась в сторону библиотеки. Может, именно сейчас, красавчик Торшелл рассматривает с ней картинку из того атласа. Пойдём спать, я устала.

Подружки гадко захихикали. Вскоре их приглушённые голоса исчезли за дверью. А Сатура опустила по стене на пол и долго-долго сидела так, размазывая по лицу слёзы горечи и обиды.

Глава 4

– Торш, ну что ты сегодня такой агрессивный, – протянула баронесса, томно изгибаясь в умелых мужских руках, – я уже утомилась.

– А мурлычешь так, как будто хочешь продолжить, – мужчина игриво куснул её ушко.

– Хочу. Но утомилась, – капризно поджала губки леди Раина.

– Хорошо, что хочешь, а что утомилась, это не беда, я ещё полон сил! – и лорд Торшелл продолжил любовную игру.

– Торш, пощади! Да что с тобой сегодня? Мне уже и кремы не помогают.

– Просишь пощады, коварная? А кто мне подсунул новый возбуждающий материал? Я же, как увидел девчонку, у меня же... отдувайся теперь, пока она не прыгнет ко мне в постель. А она сразу не прыгнет, она из тех, что долго не сдаются. Именно такая, как люблю. Совсем не испорченная столичной жизнью. А запах. Какой у неё запах! Эх, с ней у меня дело одной ночью не ограничится! Я несколько суток проведу с ней в постели! Я сам научу её всему! Как я буду ласков! Как она будет кричать от страсти! И я буду кричать. Р-р-р! А ну-ка, выгни спинку. О-о-о, какая же ты тесная, человеческая сучка!

– Торш, как ты можешь так обо мне говорить?! – возмутилась леди Санаи четвертью часа спустя, уже после того, как отдышалась и попила водички. – Сатура моя племянница! Дочь моего погибшего брата!

– Верю, крошка, верю. Но ни мгновения не сомневаюсь, что ты собираешься продать её подороже. Сколько? Назови свою цену.

– Торш, я не продаю свою племянницу, как ты можешь быть таким циничным?

– Только не говори, что подыщешь девчонке достойного мужа-старичка среди людей, и только после того, как он скоропостижно зайдёт, отправишь её во все тяжкие. Она же тогда потеряет половину своей стоимости! А то и вовсе выйдет из-под твоего контроля. Сколько ей? Пятнадцать?

– Семнадцать, – нехотя ответила баронесса.

– Семнадцать? Значит, по вашим человеческим меркам скоро станет совершеннолетней, и твоя опека над ней закончится? Ну, так что? Продаёшь мне? Или собираешься устроить аукцион?

– Аукцион? – глаза у леди хищно сверкнули. – Ты думаешь, девчонка может заинтересовать ещё кого-нибудь?

Лорд Торшелл рассмеялся. Смеялся он долго и со вкусом.

– Ах ты ж, моя хищница! У тебя в роду точно не было драконов? Очень уж ты жадная до денег и камушков.

– Нужно же мне как-то выживать в этом жестоком мире мужчин, – со вздохом пожаловалась баронесса.

– Разве я мало даю на твоё содержание? И только ли из моей сокровищницы пополняется твой бюджет, прекрасная Раина? Ты забыла, что у драконов очень хороший нюх, и я чувствую на тебе запах другого? Могу даже сказать, чей, – говоря так, лорд Торшелл ласкал прекрасную белую грудь, периодически пребольно щипая соски, отчего заводились и он, и она. – Но ты не оправдывайся, не нужно. Ты же знаешь, я не требую верности, как никогда не обещал её тебе. Зарабатывай, как можешь, крошка. А пока... давай-ка, отработай ещё одну жемчужину из моей коллекции!

Поздним утром мужчина возобновил разговор.

– Ну так что? Продаёшь девочку мне и, кроме обычного своего содержания, получаешь достойное вознаграждение, или попытаешься обойти моё предложение и остаться без моих финансовых вливаний?

– Ах, Торш, порой ты бываешь прямолинеен до грубости, – баронесса обиженно поджала губы. – Скажем так, я не буду препятствовать твоим ухаживаниям за моей племянницей, а там уж как получится. В любом, случае, полагаюсь на твою честность и знаю, что ты не обидишь бедную одинокую вдову. И да, то, что девочка не просто не любит драконов, но до ужаса их боится и ненавидит, я тебя предупредила.

– А кто ей скажет, что я – дракон?

Горизонт за окном заметно посветлел, а Сатура всё не могла выйти из своего убежища. Какие гадости говорили эти сплетницы. Такого не может быть. Просто не может быть. Можно было, конечно, допустить, что вдовая тётушка пустила в свою жизнь мужчину после смерти барона Санаи. Но зачем бы ей тогда знакомить его со своей родной племянницей? И потом, кроме того волнительного поцелуя, который заметила завистливая Ани, лорд Торшелл не позволял себе ничего лишнего. Всё у них было в пределах приличий. Так почему же льются безудержные слёзы? Сколько же в ней воды. В последнее время Сатура только и делает, что плачет. Нужно брать себя в руки и идти в комнату. Нельзя, чтобы её увидели в таком виде. К счастью, на рассвете коридоры господского крыла были неизменно пусты. Все гости в это время крепко спали.

Придя к себе, бедняжка умылась холодной водой и забралась под одеяло. От волнений и долгого сидения на полу её морозило, и Сатура никак не могла согреться. Можно было бы вызвать Кари и попросить бутылку с горячей водой, но ещё совсем рано, пусть горничная поспит, днём у неё не будет времени на отдых. Да и выбираться из-под одеяла и искать колокольчик тяжело. Как же тяжело. Была бы жива мама, она бы сразу поняла, как дочери плохо. Пришла бы, положила руку на лоб, охнула: «Какая же ты горячая, моя девочка!», а потом бы захлопотала, и всё бы стало хорошо. Но хорошо уже никогда не будет, как никогда не будет мамы.

Яркий солнечный свет пронзительно резанул глаза. Сатура застонала.

– Кари, закрой шторы, – прошептала она.

– Что такое, мисс Сатура? Вы больны или плакали? Лицо всё красное и опухшее. Как же так?

– Закрой шторы, – сил хватило только на эти слова.

Кари исполнила просьбу и подошла к хозяйке. Она осторожно наклонилась над ней и поднесла руку ко лбу. Холодная ладонь оказалась благословением свыше.

– О, да, как же хорошо. Кари, смочи полотенце и положи его мне на голову, иначе она расколется.

Испуганная горничная забежала по комнате. Она смочила полотенце водой из кувшина, устроила на голове больной, что вызвало хриплый вздох облегчения, и, выглянув за дверь, крикнула что-то находящемуся там лакею.

– Сейчас, сейчас, мисс Сатура. Сейчас пошлют за доктором, он быстро поднимет вас на ноги! Вот увидите, доктор Пельс просто волшебник!

Пока ожидали доктора, горничная несколько раз успела сменить полотенца на голове своей хозяйки, а та лежала в каком-то забытьи. Потом пришёл доктор, а с ним и встревоженная тётушка. Баронесса искренне испугалась за состояние своей племянницы. Она умоляла доктора не жалеть ни сил, ни лекарств для того, чтобы поставить на ноги «бедную девочку». Доктор что-то уверенно гудел себе под нос и вливал в рот больной горькие лекарства. Всё это проходило как бы мимо её сознания. Вроде бы и было, а, может быть, и не было. А она, Сатура, была огромным пузырьём, набитым болью. Болело всё: голова, кожа, внутренности и кости. Кажется, болели даже волосы, потому как касания к ним тоже вызывали страдания. Неизвестно, сколько это продолжалось, но доктору удалось добиться того, чтобы пациентка заснула.

– Потрясение, нервное истощение, резкое ослабление защитных функций организма, – сыпал умными словами он. – Вот вам и результат – девушка не смогла справиться с обычной простудой.

– Но, господин Пельс, она... выздоровеет?

– Это зависит от эмоционального настроения самой больной. Вы видите, как опухло от слёз её лицо? Если больная эмоционально нестабильна, и лелеет в голове мысль об уходе следом за родными, удержать её по эту сторону жизни будет очень сложно, почти невозможно, хотя, – здесь доктор неуверенно замялся.

– Что, господин Пельс, говорите! Мы должны сделать всё для дочери моего брата! – леди Санай в отчаянии заломила руки. – Мне не жалко для этого никаких денег!

– Э-э, – доктор замялся, подбирая слова, – видите ли, это нельзя купить ни за какие деньги, а потому добыть почти так же невозможно, как мифический эликсир молодости.

– Говорите же, доктор, не томите!

– Я потому и решаюсь сообщить это вам, баронесса, никому бы другому из людей я бы, – господин Пельс мялся в нерешительности и путался в словах, но, заметив, как начали темнеть от гнева глаза взбалмошной богатой клиентки, решился: – Видите ли, в нашей докторской среде бытует мнение, что живая драконья кровь творит чудеса. Живая – это прямо из вены, – суетливо пояснил он, – всего несколько капель! Но кто же ею будет делиться с нами, обычными людьми. Что мы можем предложить взамен хозяевам империи? – посетовал доктор и скромно опустил глаза.

– Значит, всего несколько капель из вены? – задумчиво произнесла леди Санай, постукивая ноготками по столешнице.

– Да, – угодливо подтвердил доктор, – ещё я слышал, что от подобного лечения возможны последствия...

– Надеюсь, у неё не вырастет драконий хвост? – прервала готовые сорваться рассуждения баронесса.

– Ну что вы, леди! Я только хотел сказать, что мисс не только приобретёт большую привлекательность для драконьего племени, но и сама... будет отдавать свои эм, сексуальные предпочтения им! – одним выдохом закончил он.

– Ах, лишь бы бедное дитя выжило, – печально вздохнула заботливая тётушка.

Когда Сатура открыла глаза, то первый, кого она увидела, был лорд Торшелл. Как он мог попасть в её спальню? Пришёл надругаться, пока она лежит больная и совсем беззащитная? Девушка жалобно пискнула и рванулась на другой конец широкой кровати.

– Мисс Приатт, вы очнулись? Вот, выпейте, доктор сказал, что это придаст вам сил, – в поле зрения появилась Кари с бокалом чего-то мутного и мерзкого даже на вид.

Значит, они не одни в спальне с совершенно посторонним мужчиной, возможно, любовником тётушки. От осознания этого Сатура беспрекословно выпила то, что поднесла ей служанка. И почему все лекарства обязательно должны быть гадкими на вкус?

– Ах, милая племянница, ты так нас всех напугала, – оказывается, баронесса тоже была в комнате. – Ты уж прости меня, но я не смогла выгнать из твоей комнаты лорда Торшелла, он так беспокоился о тебе, так беспокоился! Лорд, вы убедились, что дела нашей девочки пошли на поправку? А теперь оставьте нас, это всё же девичья спальня.

Мужчина беспрекословно подчинился. Он поднялся с кресла, в котором сидел, бросил горящий взгляд на Сатуру, вытащил откуда-то из-за спины одинокую белую розу на длинном стебле, положил её поверх одеяла больной и, чинно пожелав скорейшего выздоровления, вышел.

– Как с ума сошёл, так переживал за твоё здоровье, – умильно произнесла тётушка. – Мы так рады, так рады, что ты идёшь на поправку, моя девочка! Ты полежи пока в постели, доктор не велел вставать. А я, как и обещала, книги тебе приготовила – вот! Будешь читать,

пока поправляешься, – она гордо показала на внушительную стопку книг в ярких обложках. Словно в насмешку, на самом верху лежала «Непокорная девственница».

– Раина, – Сатура широко открыла глаза, – в пансионе нам запрещают читать подобное!

– Дорогая, но сейчас ты не в пансионе, – резонно заметила тётушка. – А готовиться к взрослой жизни тебе нужно!

Взрослая жизнь. Вспомнились те две сплетницы в библиотеке, и то, что они говорили про тётушку. Сатура помрачнела. Лорд Торшелл, конечно, очень привлекательный молодой человек. Но кто он, и кто она. Такие мужчины не женятся на пансионерках-сиротках. А сегодняшние его забота и внимание вполне однозначны. Нужно быстрее сбегать, пока её интерес к мужчине не перерос в нечто большее.

– Тётушка. Раина, – решила Сатура, – позвольте мне вернуться в пансион уже сейчас!

– В пансион? Но зачем? Тебе плохо в моём доме? В нашем доме? – на лице тётушки опять возникла маска обиженного ребёнка. – Тебя кто-то обидел?!

– Н-нет, – замялась девушка, и глянула на молчаливо стоящую у двери Кари.

– Говори, кто смел обидеть мою кровиночку? – решительно произнесла баронесса, взмахом руки отпуская горничную. – Этого в моём доме не позволено никому!

И Сатура решила. Не то, чтобы она любила ябедничать, но не дело, когда гости так отзываются о хозяйке дома.

– Я была в библиотеке, – начала она и смолкла. Тётушка участливо кивнула, приглашая продолжить. – И там, совершенно случайно, правда, подслушала разговор двух дам. Неприличный разговор.

– Ох, родная, – выдохнула леди Санаи, – да большинство разговоров дам наедине, впрочем, как и кавалеров, неприличные! Они что, хвастали друг перед другом своими победами на любовном фронте? Врали, скорее всего, уж ты мне поверь!

– Нет. Они говорили о вас, Раина! – выпалила Сатура. – О вас и о лорде Торшелле, – закончила она, густо покраснев.

– Что?! – тётушка в ярости подскочила со стула, на котором сидела. – В моём же доме разносить обо мне грязные сплетни?! Как они посмели?! Ты узнала их?

– Право же, мне неудобно перед теми леди, – замялась девушка.

– Тебе неудобно? – баронесса прошлась по комнате, несколько раз глубоко выдохнула и выдохнула, затем, взяв себя в руки, продолжила: – Конечно, тебе неудобно, моя девочка, но, пойми, те, кто могут говорить такие гадости – не леди, и им не место в нашем доме! Это надо же, так оболгать прекрасного молодого человека! Да, признаюсь тебе по секрету, он, с тех пор, как тебя увидел, только о тебе и говорит!

– Тётушка! У меня траур!

– Вот именно! У нас траур, а они посмели болтать о нас такое! Совсем стыд потеряли! Говори же, моя девочка, кто они? Я не хочу, чтобы подобные дамы встречались на твоём пути!

– Они называли друг друга Эрметта и Ани, – призналась Сатура.

– Подлые завистницы! Такие молодые и такие испорченные! – зло шипела леди Санаи. – Надо же придумать такое! И болтать, где попало! Не беспокойся, больше они тебе не встретятся. Ты, главное, выздоравливай быстрее, кое-кто очень хочет тебя видеть, – заговорщицки подмигнула она.

Кажется, баронесса уже забыла про просьбу племянницы о том, чтобы та вернулась в пансион раньше положенного срока.

– Раина, я хочу вернуться в пансион, – напомнила Сатура упрямо.

– Ну вот, довели девочку, – огорчилась тётушка, заботливо поправляя одеяло. – Ты ещё не оправилась от страшного удара, который нас постиг, а тут ещё эта болезнь. Вот и расклеилась моя родная. Нужно просто пережить этот период, и всё наладится. Ты же не держишь обиды на твою тётю Раину?

– Нет-нет, Раина, что вы? – девушка не на шутку испугалась, что сама невольно обидела такую замечательную женщину. – Просто... ну, я же чувствую, что я здесь чужая. Нет, не вам чужая, – поспешила оправдаться она, поймав горестный взгляд, – чужая тем людям, что гостят у вас, этому столичному духу. Я не вписываюсь в эту жизнь, Раина!

– Моя ты малышка, – баронесса нежно, как маленькую, погладила племянницу по голове. – Нужно помыть волосы, – деловито заметила она и продолжила: – Как я тебя понимаю! Мне было так же тяжело, когда мой муж, барон Санаи привёз меня в столицу. Я даже плакала первое время. Да-да, плакала! Так мне было тяжело в этом сборище завистливых гадюк. Улыбаются в лицо, а за спиной говорят гадости, – горько произнесла она. – Да ты и сама убедилась в этом, – леди Раина смахнула с лица невидимую слезинку. – А ведь я была одна! Ныне покойный барон в счёт не шёл, у него был свой круг общения – мужской, а я была вынуждена общаться в женском. Ничего, выжила, приспособилась, может быть, даже несколько зачерствела сердцем. Но иначе нельзя, моя девочка! Иначе пройдут по тебе своими острыми каблукками и посмеются над твоей болью! Хорошо, если у леди будет высокий покровитель, – но, заметив, как сжалась Сатура, тётушка тут же добавила, – как я у тебя. Я тебя никому не дам в обиду!

– Бедная Раина, – девушка всхлипнула, – как же вам тяжело.

– Да, только тебе, моей близкой родственнице, я и могу признаться в этом.

– И всё же, я бы хотела вернуться в пансион.

– Да что ты заладила! – тётушка досадливо заметалась по комнате, по своему обыкновению, начав переставлять флакончики и безделушки на полке. Немного успокоившись и приняв решение, она заговорила: – Сатура, обучение в пансионе стоит денег. И немалых денег. Как ты понимаешь, от имени твоего отца, моего брата Ригора, ничего не осталось. Тебе нечем платить за обучение и проживание в пансионе. – грустно закончила она, – Ты совсем нищая.

– Нечем платить? Нищая? Но как же так? У папы был дом в столице, счёт в банке. Родовая земля осталась!

– Ах, я в этом совсем не разбираюсь, – пожаловалась баронесса. – Кажется, у Ригора были какие-то долги. Сама понимаешь, когда случилась эта беда, тут же нахлынули кредиторы. И всё-всё забрали, стервятники. У тебя есть только то, что ты привезла с собой.

– Я понимаю, – голос Сатуры был холоден и спокоен. – Раина, спасибо, что предоставили мне кров. Я постараюсь как можно скорее освободить ваш дом от своего присутствия, чтобы не быть вам в тягость.

– И куда ты пойдёшь, глупенькая? Ты не забыла, что до совершеннолетия я являюсь твоей опекушкой? Неужели ты думаешь, что я смогу вот так выставить родную кровиночку?

– Я могу работать гувернанткой или учителем.

– Работать она может, – некрасиво фыркнула тётушка. – Что ты такое говоришь? Зачем же тогда родственники, если не поддержать в трудный момент? Родная, – леди Санаи наклонилась и приобняла племянницу, – поверь, твоя хандра пройдёт, нужно только время. А я помогу тебе.

– Спасибо! Раина, вы такая хорошая, – Сатура, не стесняясь, шмыгала носом. – Вы так заботитесь обо мне! Только...

– Что? – баронесса насторожилась.

– Я понимаю, что у вас нет денег на моё содержание. Пожалуйста, не нужно заказывать мне дорогие платья. Я даже могу перебраться в комнаты попроще и выполнять какую-нибудь работу! Я могу шить, переписывать что-нибудь, учителя говорили, что у меня красивый почерк! И... можно я не буду появляться перед гостями?

– Ты ещё очень слаба. Отдыхай, моя девочка, потом поговорим.

– Дряни, завистницы, гадкие сплетницы! Да как они посмели! – леди Санаи металась из угла в угол своей спальни, со злобой швыряя вещи.

– Да, надо же болтать такое! Но как ты прекрасна в своём гневе, – восхищенно произнёс лорд Торшелл, вольготно раскинувшийся на её кровати.

– Всё иронизируешь, – баронесса остановилась над ним. – А их, между прочим, слышала моя племянница! И все твои усилия ушли под хвост!

– Кому под хвост? – попытался уточнить мужчина. С самого утра у него было прекрасное настроение.

– Дракону! – выпалила его любовница. – Чему ты так радуешься?

– А-а, дракону, ну тогда ладно.

– Болтают что попало и где попало, – продолжала бушевать леди. – И это в моём доме!

– Дорогая, но разве не все женщины занимаются тем же самым? Ты сама мне рассказывала столько интересного и познавательного про наших общих знакомых.

– Есть разница, когда я говорю правду, и когда они врут! – не унималась баронесса.

– Что врут? Что ты являешься моей любовницей и находишься у меня на содержании? Но это же всем известно. Ты и сама, дорогая, не просто не пытаешься это скрыть, но и бравируешь этой связью.

– Сколько можно повторять, Сатура слышала их разговор! И теперь желает удалиться как можно дальше от столичных соблазнов. Работать собралась, подумать только! Шить она умеет, почерк у неё красивый, видите ли! – передразнила девушку тётка.

– А что, может, мне взять её секретарём? – Торшелл устроился поудобнее, подложив под голову руку.

– Осталось только, – проворчала леди Санаи, – а ещё признаться, что ты дракон! И всё, девочка растает! – не смогла удержаться от сарказма она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.